

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИНА КОВАЛЬ

БЫВШИЙ

ИГРА НА ПОРАЖЕНИЕ

18+

Лина Коваль

Бывший. Игра на поражение

«Автор»

2023

Коваль Л.

Бывший. Игра на поражение / Л. Коваль — «Автор», 2023

Когда Адриан Макрис улетел в Грецию, я день за днем старательно училась жить заново. Продолжала усердно работать, по крупицам собирала себя и свою самооценку. Встретила наконец достойного мужчину — уважаемого врача. Как говорится, отболело. Вот только на прошлой неделе Адриан внезапно вернулся, чем вывел из себя всех влиятельных людей в городе. Их столкновение с богатым греком обернулось против меня...

© Коваль Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лина Коваль

БЫВШИЙ. Игра на поражение

Глава 1

Вера

Самая сильная любовь у тех, кому не суждено быть вместе...

Эта надпись в лифте сорокаэтажного бизнес-центра невероятно раздражает. Веет банальностью и инфоцыганством.

Вздор. Сказочка для тех, кто полагается на судьбу и расклады Таро.

Видела таких. И женщин, и мужчин.

Я вообще, благодаря должности главного репортера единственного местного телеканала, встречала совершенно разных людей. Наверное, поэтому и стала отъявленным скептиком в сердечных вопросах.

Конечно, если не считать личных отношений.

Переключаю внимание на седовласого мужчину, припарковавшего свои глаза в районе моего соблазнительного декольте. Старичок тут же отворачивается и принимает оскорбленный вид.

Какие мы нежные!

Закатываю глаза, ухмыльнувшись, и поправляю тонкое черное платье. Инспектирую блестящие носы туфель на умопомрачительных шпильках и снова чуть иронично поглядываю на соседа.

Моя цель на вечер – человек капельку моложе, дедуля!

Надеюсь, ему тоже пойдет выбранный образ. Молю бога, чтобы зашел до такой степени, что Макрис будет не прочь выдать важную информацию о покупке Артели. На кой черт ему вложения в российский бизнес?!

Впрочем, его планы всегда менялись со скоростью света.

Я же почти девять лет жила одной мечтой – авторская новостная программа в прайм-тайм. С гостями в студии, личным гримером и миллионными рекламными бюджетами. Я действительно все это время была лучшей. Даже у Филиппа Киркорова, однажды навестившего наш городок, не побоялась интервью взять. И ничего он не грубый, такой милашка оказался.

Заветное место я заслужила по праву! И свой проект с именем Веры Стояновой на заставке – тоже.

Медленно выдыхаю и стараюсь успокоиться.

Подумаешь, Макрис вернулся.

Не-на-ви-жу!

Я вздрагиваю от дзиньканья лифта и первой выхожу на тридцатом этаже, сразу попадая в роскошный мир местных богачей.

Прием, устроенный Артелью Старателей «Аурум» для своих сотрудников, после ежегодного отчета о результатах проделанной работы, в самом разгаре. Повсюду подобающая золотодобывающей организации бутафория и веселые аниматоры в блестящих костюмах, у сцены играет небольшой оркестр, а шикарный вид на городской парк из панорамных окон делает этот прием еще более особенным.

Неплохо.

Я мельком осматриваю себя в зеркале, поправляю профессиональную укладку и незаметно щипаю щеки, побледневшие от недостатка кислорода в душном лифте. Параллельно стараюсь «отсканировать» каждого мужчину в этом зале, чтобы разыскать нужного.

Как обычно, делаю несколько дел одновременно. Это моя отличительная черта, скорее всего, тоже связанная с работой репортера.

Вовремя перестроиться, найти нужные слова, не выдать настоящие эмоции – вот за что мне платят грузные дяденьки, генеральные продюсеры.

И платят неплохо, замечу!

Когда я только осваивала профессию, попасть на экран через постель считалось более нормальным, чем выбрать, как я, тернистый путь высшего образования по специальности «Журналистика». За годы работы на ТВ я «пережила» многих любовниц и дочек влиятельных людей. Взяла талантом и умом.

Потерять все – значит вернуться в точку А.

Этого я допустить не могу.

– Охлажденное шампанское, – предлагает официант в белоснежном смокинге.

– Да, спасибо, – благожелательно отвечаю и обхватываю хрустальную ножку бокала.

Как правило, на таких приемах экономят на приличных напитках, но «Аурум» не тот случай, поэтому с удовольствием делаю глоток и продвигаюсь в толпу.

Несколько раз я задерживаюсь, чтобы поздороваться со знакомыми, а потом взгляд привлекает широкая спина, упакованная в тонкий черный свитер.

Это он.

Качаю головой и улыбаюсь.

Только один человек мог прийти на вечерний прием, не обращая внимания на дресс-код. Только одного мужчину я узнаю даже сверху, из космоса, хотя это и будет всего лишь маленькая черная точка.

Такая же, как и та, что последние два года выгравирована на моем скомканном сердце.

С жадностью изучаю крепкие мужские плечи, подтянутую фигуру и шикарную задницу. Нахожу татуировку за правым ухом. Есть еще одна. На лопатке с этой же стороны.

Я запиваю ком в горле еще одним глотком шампанского.

Точно он.

Не изменился ни капельки.

Как водоворот обрушиваются воспоминания...

Наш русско-греческий союз продержался около полугода, постепенно превращаясь в русско-греческую войну. Виной тому много причин и совпадений.

Результат известен.

Самолет с Адрианом Макрисом на борту взлетел в синее безоблачное небо. Я же осталась на родной земле, сжимая в руке помятый билет на свое имя.

Придя в себя, вспоминаю о своей цели и, пригладив волну темных волос на плече, направляюсь в сторону мужской компании.

– Добрый вечер, – здороваюсь, ослепительно улыбаясь.

– Добрый-добрый, – отвечает собеседник грека, впиваясь глазами в мое лицо, а затем опуская их ниже. – Мы знакомы?

– Мы? – Я легко соприкасаюсь с его бокалом краем своего и мажу взглядом по окаменевшему лицу Адриана. Не ожидал. – Еще не знакомы.

Сталкиваюсь с зелеными глазами, выражающими равнодушие. Такое явное, словно Макрис видит перед собой пустое место, а не красивую женщину, которую когда-то любил.

Обращаясь к более сговорчивому мужчине по правую руку от него, продолжаю:

– Можем познать...

– Георгий, – рассекает пространство грубоватый голос. – Мы не закончили.

Я в ужасе округляю глаза и ловлю воздух ртом. Рядом стоящие гости уже с интересом за нами наблюдают.

– Простите, – пожимает плечами мой новоиспеченный воздыхатель и поворачивается к Адриану: – Вы должны посмотреть сам прииск. Оборудование новейшее, немецкое. Деньги вбуханы колоссальные, отбить их будет сложно. Подумайте хорошо, Адриан Константинович.

– Задача была разведать обстановку, советов я не просил.

Шокированно смотрю то на одного, то на другого. Мужчины же внимания не обращают, будто меня здесь и вовсе нет.

Оскорбление смертельное. Макрис ногами по моей репутации прошелся. Город небольшой, все прекрасно знают, кто мы друг для друга.

Проходящая мимо девица из вип-сопровождения одаривает меня жалостливо-ядовитым взглядом.

Опускаю голову и закусываю губу до резкой боли. Надо держать лицо.

Проходит всего лишь секунда, прежде чем я по-королевски киваю мужчинам:

– Простите.

Покидая их компанию, все же улавливаю циничную иронию в зеленых глазах.

Раненная пренебрежением, я устремляюсь к бару, где тут же оставляю бокал и заказываю текилу. Внутренностями чувствую, когда сзади накатывает тяжелая энергия. Тело словно жаром опалает.

– Спиваешься? – царапает спину низкий голос.

Поворот головы. Во взгляд я вкладываю безразличие.

– Мы знакомы? – прищуриваюсь, слизывая соль со своей ладони.

Макрис хрипло смеется:

– Какая обидчивая.

Отворачиваюсь и опрокидываю в себя стопку. Бесчувственный динозавр.

– Как жизнь, Вье-ра? – спрашивает Адриан, опираясь о барную стойку.

– Пока тебя не встретила, было лучше.

– Хм-м... Ты ведь первая подошла?

– Обозналась. – Смотрю на него в упор решительно.

– Кали, – отвечает он по-гречески. (хорошо. – Прим. авт.)

Словно заклинание из прошлого произносит. Резко ощущается создавшийся вакуум.

В зале куча людей, сплетенье разнообразных голосов, вспышки фотоаппаратов, звучание скрипки, ведущей за собой мелодию фортепиано.

А вокруг нас с Адрианом плотное облако из воспоминаний.

Мы познакомились в Греции, и в первый раз он приехал в этот город именно ко мне. А сейчас я не знаю даже название выбранного им отеля.

И надолго ли он вернулся?! Судя по информации от Батюшки, надолго.

– Ладно, – заявляет Макрис, убирая руки в карманы брюк. – Пойду. – Озирается. – Я только прилетел, даже не переоделся.

Паника внутри фонтанирует. Я ведь ничего не выяснила. Касаюсь пальцами броши, не совсем подходящей к легкомысленному образу, и мысленно торжествую, когда это движение вызывает интерес у моего собеседника.

– Ты здесь остановился? – Кружу глазами по помещению, подразумевая отель при бизнес-центре.

– А как же.

Я хлопаю ресницами и облизываю губы. Адриан склоняет голову набок, наблюдая.

Чуть подаюсь вперед, позволив ему рассмотреть меня получше.

– А правда, – игриво понижаю голос, – что у них в люксах краны и унитазы позолоченные?

В зеленых глазах вспыхивают веселые искорки, которые мгновенно сменяются обычной серьезностью.

– Хочешь подняться? – Адриан недоуменно приподнимает брови.

Неопределенно пожимаю плечами и решительно отставляю стопку, стараясь уgomонить бьющееся о ребра сердце. Что я творю?!

Снова осматриваю его. Красивого, невозмутимого, взрослого, состоявшегося мужчину-иностранца. Когда-то моего...

Макрис обводит меня беглым взглядом с ног до головы, будто бы оценивая. Ничего не пропускает. Скулы заостряются и лицо становится жестким.

Неожиданно сильное тело резко приближается ко мне и, обняв за талию, мой старый греческий знакомый приглашающе кивает в сторону лифта. Словно мотылек от нектара, оживаю, ощущая аромат знакомой туалетной воды.

Я могла бы послать Макриса далеко и надолго. Но... вру себе, что для дела надо. Крайне важно попасть к нему в номер! Куда я опять вляпалась?..

Схватив сумочку, аккуратно стряхиваю его руку и, не глядя по сторонам, начинаю продвигаться сквозь толпу, намеренно покачивая округлыми бёдрами.

Глава 2

Вера

У лифта я резко останавливаюсь и, перенеся вес тела на левую ногу, нервно постукиваю правой шпилькой по мраморному полу. Складываю руки на груди, стараясь дышать ровнее, и смотрю прямо перед собой. На то, как на электронном табло сменяются этажи.

Зачем я во все это ввязалась?

Я готова по головам идти ради карьеры, но что, если голова будет его?

Что тогда, Верунчик?!

– Всё в порядке? – слышу позади хриплый голос ничего не подозревающего Адриана.

– Всё отлично, – отвечаю тихо, не шевелясь.

– Кое-как догнал. Не передумала?

– Нет. – Оборачиваюсь и впираюсь глазами в строгое лицо.

На долгое время мужественность и прирожденная темпераментность Макриса стали моими главными врагами. У него они проявлялись буквально во всем: начиная с того, с каким достоинством Адриан преподносил себя этому миру, и заканчивая короткими густыми волосами на мощной груди.

От свидания к свиданию я искала именно такого!

Мужественного и темпераментного самца, которого я захочу физически. Хотя бы физически...

К сожалению, поклонники, приглашавшие меня на свидания в последние два года, казались юными мальчиками и никакого сравнения с человеком, что сейчас стоит напротив, не выдерживали. Адриан нажимает на кнопку лифта и устало опирается плечом о выкрашенную в серый цвет стену. Внимательно разглядывает мое пылающее лицо.

– Не думал, что сантехника лежит в сфере твоих интересов.

Я тоже.

С улыбкой закатываю глаза.

– Я умею удивлять.

– Это правда, – соглашается он.

Вздвигаю. Не то от его прикосновения, не то от рекламного женского голоса, который раздаётся из динамика, закрепленного на стене под потолком.

В лифте расслабиться тоже не получается. Слишком мало пространства, слишком много нас.

– Ты похудела, – замечает Адриан, чуть наклоняясь.

– Надоели щеки на пол-экрана. – Закусываю губу.

– Не было у тебя их никогда.

– Были, конечно, – усмехаюсь я. – Ты просто привык к Греции. У нас другие стандарты красоты.

– Стандарты красоты не зависят от государственных границ.

– Конечно, зависят, – возражаю.

– Если женщина красива, то неважно, откуда она. Хоть из Перу.

– Тебе виднее. – Царапаю его высокие скулы колким взглядом.

Макрис вдруг становится серьезным, даже немного хмурым.

– Я восхищаюсь твоей способностью любой разговор выворачивать в свою сторону, – произносит сквозь зубы.

– Спасибо за комплимент, это профессиональное.

– Забыл, что в тебе все профессиональное, – отбивает он. – Для личного места не остается.

– Ну почему же... – Тут же прикусываю язык.

Пока мы на расстоянии полуметра друг от друга вышагиваем в сторону забронированного Адрианом люкса, я прокручиваю в голове возможные варианты развития событий и снова пеняю на судьбу.

Почему именно сейчас? Когда у меня все вроде как налаживается!

Почему Адриан за два года не смог обзавестись греческой женой и выводком маленьких Макрисиков? Ему сорок один. Давно пора.

А может, рассказать все? Украдкой поглядываю на размашистые плечи.

И что тогда будет? Он снова уедет как ни в чем не бывало, а я здесь останусь. Один на один с влиятельными людьми, которые точно не простят такого поступка.

– Располагайся, Вьера, – вежливо проговаривает хозяин апартаментов, когда мы оказываемся внутри.

Настороженно озираюсь.

Здесь довольно просторно и такой же крышесносный вид на город, как в банкетном зале.

Адриан зажигает свет, вынимает из кармана брюк телефон с банковской картой и кладет их на журнальный столик.

Я же первым делом скидываю ненавистные туфли и разминаю пальчики на ногах.

– Не возражаешь, если я переоденусь? – спрашивает он и тут же стягивает свитер через голову.

На миг крепко зажмуриваюсь, а потом смотрю вслед удаляющейся обнаженной спине, на которой красуется знакомая татуировка.

– Если тебе будет удобно, – проговариваю себе под нос.

– Я не притязателен, – доносится из соседней комнаты.

Резко вдыхаю и выдыхаю.

Я прекрасно это помню, как и то, до какой степени ты не брезглив. Особенно в сексе.

Вопреки здравому смыслу внизу живота концентрируется вязкое тепло. Это странно, потому что последние два года добиться его можно было только с помощью специальных вибрирующих устройств.

Я практически забыла, что можно желать живого мужчину.

Убрав сумочку, подхожу к панорамному окну и упираюсь горячим лбом в прохладное стекло. Спустя пару минут за спиной раздается низкий голос:

– Ты хотела изучить ванную комнату?

Я чувствую, как горячие пальцы сжимают шею ниже затылка. Замираю, наслаждаясь легким массажем.

Пытаюсь различить яркие огоньки автострады за окном и обвожу языком пересохшие губы. С единственной целью. Спросить о том, что беспокоит почти двенадцать часов, с тех пор как я узнала о возвращении Макриса в наш город.

– Зачем ты приехал, Андрей?

Мощное тело вздрагивает от произнесенного мной на русский манер имени. Когда-то Адриан сам признавался, что так его называю только я и... ему нравится.

Тишина нервирует. Ладонь на моей шее застывает.

– Андрей? Зачем ты вернулся? – повторяю тихо.

– А если я скажу, что за тобой?

– Тогда я отвечу, что ты бредишь, – шиплю, разворачиваясь, и с силой отталкиваю его от себя.

Закусив губу от обиды, я судорожно разглядываю потрепанные греческим солнцем голубые джинсы и черную футболку, облегающую крепкую грудь.

Снова отворачиваюсь.

Не могу на него смотреть. Это пытке подобно.

Он... Он уехал.

Я сдерживаю набегающие слезы, но всхлип все же слетает с губ.

Знал.

Прекрасно знал, что я не смогу улететь вместе с ним... Поставил перед выбором, вынудил страдать, пытался манипулировать, а потом и думать забыл обо мне.

К чему теперь это высокопарное «я за тобой»? Кого он хочет обмануть? Я взрослая, самостоятельная женщина, уважаемый журналист. Я сделала себя сама полностью и никому ничем не обязана.

Все это время я старалась поддерживать связь с Фиалой Макрис, родной младшей сестрой Адриана. И прекрасно знаю, как он жил и чем занимался.

Он не страдал. Прикрываю глаза. Он вообще обо мне не думал.

Адриан снова приближается, и кровь словно вскипает от его запаха. Больше совершенно не хочется быть милой и осторожной.

Да простят меня Батюшка и другие...

– Зачем тебе «Аурум», Адриан? – рассекаю пространство громким голосом.

Под нами целый город. Только-только начало смеркаться, в это время люди едут с работы. Свет в апартаментах вдруг кажется тусклым, а сама ситуация – интимной.

– Зачем тебе золотые прииски? Что ты с ними будешь делать?

– Не забивай свою голову подобной ерундой, – произносит Адриан хрипло, прижимая меня к холодному окну.

Сильные руки по-хозяйски оглаживают талию, а я, как обычно, не могу им противостоять.

На свете есть только две вещи, от которых я всегда была не в силах отказаться: руки Адриана и репортерский микрофон. Эта нелепая конкуренция и пошатнула наши едва начавшиеся отношения.

– И все же? – Опускаю взгляд на невзрачную брошь. – Зачем. Тебе. «Аурум»?

Артель Старателей – старейшее и богатейшее золотодобывающее предприятие в регионе. Когда прежний владелец, Камиль Рустамович Умаров, наконец-то собравшийся на «покой и государственное пособие», объявил о продаже, никто не удивился, что сделка будет заключена именно с Прохоровым, в узких кругах именуемым Прошкой.

Вот только накануне сделки на горизонте появился мой грек-бывший и помахал перед носом Умарова новенькими «толерантными» евро.

Старик, не будь дураком, быстро отменил сделку и решил подумать. Однако что-то подсказывает: выберет Умаров того, кто вот уже несколько минут растирает мое тело ладонями.

– Что ты делаешь? – спрашиваю дрожащим голосом, зажимая в кулаке брошь на груди.

– Осматриваюсь, – говорит Адриан мне на ухо, глядя в окно. – Вспоминаю местность, рельеф... – Задевает носом чувствительную кожу возле мочки и ведет ладонями по животу вниз. – По-моему, улицы стали более узкими, но запах... – Он затягивается воздухом с моей шеи. – Запах все такой же прекрасный!

Я вздрагиваю, когда он пытается задрать тонкую ткань платья. Пытаюсь отвести его руки. Сознание всякий раз уплывает, но стараюсь сконцентрироваться на деле.

– Ты собираешься остаться в городе навсегда? – облизнув губы, подаю голос. – Будешь сам управлять месторождениями?

– Ц-ц-ц, Вье-ра, – рвано выдыхает Адриан и резко разворачивает меня к себе.

Жадно осматривает спутанные волосы и пылающее лицо, на секунду опускает глаза к вздымающейся груди.

– Только попробуй, – хриплю, занося руки, что оттолкнуть от себя эту глыбу.

Его ладони грубовато перехватывают мои запястья и разводят их в стороны, жесткие губы впиваются в рот, наполняя давно забытым вкусом и ощущениями.

Я прерывисто дышу. Нервничаю.

Надеюсь, Адриан спишет это на мандраж от нашей встречи, а не на возбуждение.

Он ведет ладонями по моему телу, очерчивает плечи и, спустившись к груди, сжимает ее. Обнаженную шею царапает щетина. Его губы и руки – везде. Завладевают мной и парализуют.

Пожар внизу живота невыносимый. Я часто моргаю, пытаюсь уловить в собственной голове хоть какие-то мысли. Тяну запястья из захвата, но безрезультатно. Спиной упираюсь в стекло, словно растворяясь в его отражении.

– Не надо, – шепчу, когда губы Адриана добираются до груди.

Хочется, чтобы он трогал, целовал. Одновременно с этим я неистово желаю поставить его на место.

Черт.

Этот по-женски странный диссонанс лупит по венам похлеще, чем выпитая в баре текила.

Когда я собираюсь выкрикнуть имя Макриса, случается страшное. Брошь под его руками разваливается, и небольшая кнопка, портативный диктофон, с отчетливым треском падает на пол.

Адриан замирает, смотрит на меня и тут же переводит глаза на паркетный пол.

– Андрей, – выдыхаю извиняющимся тоном.

– Пыздец. – Он до боли сжимает мои запястья.

Диким, взбешенным взглядом прожигает лицо.

– Андрюш... – испуганно качаю головой.

– Ты меня все это время пысала, что ли? – орет он с жутким акцентом, который всегда появляется, когда Макрис злится.

Мощная рука резко снова припирает меня к стеклу, ладонь окольцовывает шею. Ситуация вдруг становится пугающей.

Я всхлипываю и ухватываюсь за его запястья. Пытаюсь ослабить напор, чтобы хоть как-то вдохнуть.

– Андрей, – хриплю.

Из глаз выскальзывают слезы.

– Сука, – цедит он мне в лицо. – Кто тебя ко мне отправил?!

Глава 3

Вера

Решение приходит молниеносно.

Когда я, будучи подростком, однажды вечером возвращалась от подружки, на меня напали в моем же подъезде. Сделать ничего не успели, слава богу. Соседка как раз вышла с пакетом к мусоропроводу и помешала насильнику.

Я даже испугаться толком не успела, а вот отец был непреклонен. Нашел курсы по самообороне, заставил пройти стандартную программу.

С тех пор я могу за себя заступиться, правда после того нападения это и не требовалось. Даже рабочие вопросы, кого и чего бы они ни касались, я привыкла решать миром.

Отсюда и шок в первый момент. Замешкалась.

Освобождаюсь от мужских ладоней и, дав всего секунду вспыхнувшему в зрачках Адриана превосходству, со всей дури вонзаюсь ногтями в его глаза.

– Блядь, – рычит он.

Я резко отталкиваю сильное тело от себя и пытаюсь отдышаться, поглаживая шею.

– Ты чуть не задушил меня, – взбешенно обвиняю. – Совсем с катушек слетел, чертов грек?

– Ты пришла ко мне с жучком, – часто моргает.

– С диктофоном, – поправляю.

Это кардинально разные вещи, между прочим.

– С диктофоном? – Адриан хватает меня за локоть.

– Отпусти. – Отчего-то снова становится страшно.

Два года назад я была бы уверена, что с ним безопасно, а сейчас... Макрис слишком напугал.

Пытаться душить живого человека? Разве мой Адриан на это способен? Хотя, может, я просто плохо его знаю?

Начинаю вырываться, впадая в истерику, но Адриан подхватывает за талию так легко, словно я кусок сладкой ваты. Держит крепко.

– Ты, кажется, хотела изучить ванную комнату?

Он снова говорит без акцента. Уже не злится?

– Поставь меня на место. – Как таракан, болтаю руками и ногами и визжу.

Он больше меня раза в два. Объективно – шансов ноль. А я еще и год питалась отдельно. Дурочка. Не надо было пропускать силовые тренировки.

– Не надрывайся, – произносит Адриан равнодушно.

Зайдя в ванную комнату, ставит меня на пол и брезгливо отстраняется. Окидывает тяжелым взглядом с ног до головы. Я делаю то же самое.

Он только лучше стал. Я уже говорила?

Ему ведь сорок один. Где все эти признаки раннего старения? Почему, мать твою, Макрис такой подтянутый и спортивный? И откуда в нем опасность, от которой у меня подкашиваются ноги?!

– Раздевайся, – произносит он, опираясь упругой задницей о тумбу.

– Ты не посмеешь, – мотаю головой, чувствуя, как внизу живота происходит микровзрыв.

Надо наведаться к сексологу, потому что мое либидо ведет себя как-то странно и воспринимает мужскую агрессию как игру, от которой, словно зомби, воскресает.

Мужчины, чтобы довести партнершу до такой кондиции, танцы с бубнами в постели устраивают, а греку достаточно было придушить меня у окна на сороковом этаже. И все – колени сами собой раздвигаются.

Может, таблетки пропить какие-нибудь или капельницы проставить, не знаю...

– Я должен понимать, что на тебе больше нет сюрпризов.

– Их нет.

– Не верю. – Адриан складывает руки на груди.

– Я тебе тоже. Живи с этим.

– Вера, – снисходительно говорит он, осматривая мою шею. – Ты все равно разденешься, и мы поговорим.

– Это издевательство над гражданкой России, я буду жаловаться в посольство, – оскорбленно выпаливаю, пятясь назад и упираясь в стену.

Адриан округляет глаза и хохочет.

– Так и мы в России, Вера. Какое посольство? – недоуменно спрашивает.

– Америки, конечно. Там таких, как ты, домогателей быстро отменяют.

– Я тебя не домогался, не мечтай, – произносит он пренебрежительно. – Если ты думаешь, что Адриан все тот же влюбленный идиот, то ошибаешься. Я прекрасно понял, что ты принарядила свою задницу не для того, чтобы посмотреть сантехнику в моем номере, – кивает на тумбу с умывальником за своей спиной.

Кран, кстати, вполне обыкновенный. Везде обман!

– Думала, что я снова клюну на тебя?! – иронично приподнимает брови Макрис.

А затем его лицо становится жестким. Словно маска срывается. Прищур и оскал – звериные.

– Ты... – хмурюсь. – Тогда зачем это шоу?! – указываю в сторону комнаты.

– Хотел усыпить твою бдительность, конечно же, – пожимает он широкими плечами и встряхивает рукой с золотыми часами на запястье. – Ты так предсказуема, малыш. – Смотрит на циферблат. – Тот, кто тебя отправил, промахнулся. Я не собираюсь делиться с тобой своими планами, а вот ты мне все расскажешь, – невозмутимо кивает на мою грудь. – Снимай платье, я должен тебя проверить.

Беспомощно озираюсь, ощущая себя грязной. Доверчивой дурочкой.

Душа сжимается в комок, и изнутри меня затапливает ненависть. Каждый отдаленный уголок топит. Даже те, где два года надеялись и оправдывали этого человека.

А ведь пару минут назад я действительно была готова отдаться Адриану, тем более так отчаянно хотелось поверить, что он приехал за мной.

Только сейчас понимаю, что подсознательно мечтала об этом каждый божий день. Закусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не разрыдаться.

Опускаю голову, прикрываясь волосами, чтобы хоть немного побыть собой. Проталкиваю всхлип обратно в грудь. Как же меня достало все время прятать эмоции! Быть «в ресурсе».

Вся жизнь в прямом эфире...

Несмотря на боль, страхи, порою лень...

– Ты меня злишь, Вера, – слышу бесчувственный голос за спиной.

– Да пошел ты, – шиплю я сквозь зубы и стягиваю платье через голову.

Кидаю тонкую тряпку Адриану в лицо.

– Белье тоже снимай, – ловко увернувшись, требует он.

Я завожу руки назад, чтобы растянуть черный лиф, а затем стягиваю трусики. Дышу часто. Кожа покрывается мурашками. До чего абсурдная и унижительная ситуация!

Адриан медленно обводит глазами высокую грудь, заостренные соски, опускается к талии... промежности... Инстинктивно хочется прикрыться, но я терплю.

– Волосы.

– Что? – недоумеваю.

– Подними их наверх и повернись.

– Старый извращенец, – цежу себе под нос.

Без всякого намека на сексуальность привстаю на носочки и разворачиваюсь.

Спину и ягодицы окатывает холодом.

– Отлично. Прикройся. – В меня прилетает белоснежное полотенце. – Жду тебя в гостиной.

Глава 4

Вера

– Выпьешь? – предлагает Адриан, когда я прохожу в гостиную и усаживаюсь в центр дивана.

– С тобой? – морщусь, как от чего-то испорченного и откидываюсь на мягкие подушки, поправляю короткое полотенце на бёдрах. – Нет, спасибо!

Мою одежду он прихватил, выходя из ванной.

Думает, я не понимаю, что хочет максимально высадить меня из зоны комфорта. Думает, я дура, как все его малолетки.

Методы психологического манипулирования прекрасно мне знакомы, потому что я профессионал, а уметь расположить к себе человека – это одна из первейших моих задач.

К тому же прекрасно знаю, что у меня отличная фигура. Сексуальная, с изгибами и соблазнительными округлостями. Поэтому совершенно не собираюсь комплексовать из-за того, что два года спустя сижу перед Адрианом Макрисом без трусов.

В конце концов, пусть он переживает и дёргается!

Бросаю на него взгляд исподлобья и, гордо вскинув подбородок, наблюдаю, как мужчина усаживается в кожаное кресло напротив. Вальяжно закидывает ногу на ногу и иронично потирает заросший густой щетиной подбородок.

Тихо посмеивается и низко произносит:

– Ты похожа на петуха. Сейчас заклюёшь меня и закукарекаешь.

– Мне всё равно, что ты думаешь, – невозмутимо отвечаю, складывая руки на груди.

Взгляд зелёных глаз перемещается туда же.

«Не кльонет он». Усмехаюсь.

Такой же мужик, как и все, уговариваю себя. Не хуже и не лучше.

Ну, ладно-ладно, справедливости ради хочу заметить, что внешность незаурядная. И руки... такие рельефные, с тугими венами, мужские!

Черт. Ёрзаю.

Но у Олежки моего не хуже.

Внутри меня Вера-зануда закатывает глаза: «Твоего?! Олежки?! Серьёзно? Вы только начали встречаться, а ты уже целовалась с другим. Может, не стоит портить жизнь классному мужику?»

«Цыц» – наступаю на свою самую сварливую сущность и как следует ментально притаптываю.

Это ведь всё для дела надо было? – виновато вздыхаю.

Я однажды, чтобы взять интервью через забор перепрыгнула и, стыдно признаться, мне в травмпункте на ягодицу два шва накладывали. А тут всего лишь поцеловаться с греком...

Ерунда какая! Облизываю губы в десятый раз за последние десять минут.

– Спрашивай, что хотел и я поеду. У меня ещё дела вечером, ты меня отвлекаешь, – включаю намеренно деловой тон.

Адриан удивлённо приподнимает брови, как бы намекая на соответствие моего чувства собственного достоинства и внешнего вида. Вернее, на их чудовищное несоответствие.

Невозмутимо расправляю плечи.

– Кто тебя ко мне направил? – спрашивает он, прищуриваясь.

– Батюшка.

– Священник?

– Ага, папа римский, – закатываю глаза.

Раздражаюсь.

– Ты можешь нормально сказать?! – цедит Макрис, наклоняется, опирается локтями на колени и сцепляет пальцы.

– Поп Анатолий Аркадьевич, мой генеральный продюсер.

– Откуда он знает, что мы... состояли в отношениях?

Болезненно морщусь.

– Без понятия, я не хвасталась, – оскорблённо сжимаю губы. – Город маленький.

– Все... в одной кровати?!

– Под одеялом, Андрей, – невольно улыбаюсь. – «Все под одним одеялом» – так правильно говорится.

Его акцент и умение коверкать русский язык всегда меня смешили.

– Какое отношение продюсер имеет к «хищникам»?

– Хищники? – удивляюсь. – Кто это?

– Золотодобытчики-нелегалы.

– Я в первый раз слышу про этих людей.

– А Прохорова он откуда знает?!

Округляю глаза, потому как удивлена, что Адриан в курсе кому именно помешал своими амбициями.

– С Прохором они друзья. Посещают вместе один закрытый сигарный клуб.

– Что именно ты должна была сделать? – впивается взглядом в моё лицо.

Тяжело вздыхаю.

– Ничего особенного. Просто взять интервью... хмм... приватное, – краснею.

Адриан грязно усмехается и кивает на подол из полотенца.

– Получается, я рано тебя остановил? Дождался чего-то и более приватного?! Может, нацепим твою бутафорию и повторим?

– Получается... – шиплю, – закатай губу. Спать с тобой я не собиралась.

Он смеётся так, словно снова поймал меня на ту же удочку и выжал хоть какие-то эмоции.

– Что тогда входит в слово «приватное»? – снова становится серьёзным.

– Мне надо было расспросить у тебя по старой дружбе... зачем ты ввязываешься в покупку Артели, что ты собираешься делать с новым бизнесом и предоставить запись нашей беседы Анатолию Аркадьевичу.

– Что тебе за это обещали?!

– Не твоё дело, – взрываюсь.

– Очередное повышение?! Ну? – зловеще играет скулами.

– Прайм-тайм пять дней в неделю, – отвечаю, потупляя взгляд в пол.

– И как я сразу не догадался, – язвительно цокает Макрис.

Поднимаю глаза, и мы смотрим друг на друга в упор. Слишком много раз он упрекал меня в избыточной любви к моему ремеслу, чтобы это забыть.

– Скажешь своему начальнику, что нам с тобой здесь не до разговоров было, поняла? – давит он, поразмыслив.

Нет! Это немыслимо!

– Лучше скажу, что у тебя ранняя деменция и ты слово к слову прицепить не можешь. И, вообще, с чего вдруг я должна тебя слушаться?! Я здесь причём?! Разбирайтесь сами!

Вскакиваю с места. Ледяной паркет приятно холодит ступни, это отрезвляет.

– Где моя одежда? – спрашиваю, развязывая узел на полотенце прямо перед его носом.

Мощный кадык на секунду вздрагивает, а его хозяин кивает в сторону кресла у барной стойки.

Дефилирующей походкой иду к нему. В животе становится тесно, неудовлетворённость максимальная! Раздражаюсь.

– Мне на ваши войнушки – всё равно, – огрызаюсь, перекидывая волосы на одно плечо. – Развели «Бандитский Петербург», понимаете ли. Криминальные авторитеты, золотоискатели, артели, – оцарапывая кожу быстро натягиваю трусы и тянусь к лифчику.

Застегнув его, наконец-то разворачиваюсь к ошарашенному Макрису.

– Я работать хочу. Ясно тебе? – гневно выговариваю, устремляя в него указательный палец.

– На всю жизнь запомнил, – хрипло произносит Адриан, опуская голову набок и изучая пирсинг в моём пупке.

На секунду зависаю на том, как красиво ложится свет от окна на мужественное лицо когда-то любимого мной мужчины, а затем удовлетворённо киваю и тянусь к платью.

– Поэтому, идите все в жопу, мальчики, – распаляюсь окончательно и кака только просовываю голову в платье, снова оказываюсь в плотном кольце мужских рук, которые больно стискивают плечи.

Воздух снова наполняется, казалось бы, абсолютно несовместимыми ощущениями: похотью и страхом.

– Ты, кажется, не поняла меня? Я тебе не мальчик, – зловеще выговаривает Адриан. Трудно дышит мне в макушку. – Ты в деле. Сообщишь, что я пригласил тебя на ужин в субботу.

– Но я не могу в субботу!

У Олега награждение. Администрацией города он номинирован как «Лечебный специалист года» и в ближайшую субботу мы приглашены на торжественный вечер.

– Значит, в воскресенье, – легко соглашается грек, ослабляет хватку, и я понимаю, что он опять меня провёл, а я слишком быстро согласилась.

– Ты можешь от меня просто отстать? – бормочу под нос, пытаюсь застегнуть платье.

– Я от тебя отстану, – отпускает он безразлично, глядя, как я мучаюсь. – Как только поставлю подпись на договоре купли-продажи и «Аурум» будет моим.

Глава 5

Вера

– Что он тебе сказал? – постукивает костяшками пальцев по стеклу наш Батюшка, которого мы нарекли так, благодаря церковной фамилии Поп.

– Сказал, что рад видеть, и позвал на свидание в воскресенье.

Иногда за глаза мы зовём его Геной, так как он наш генеральный продюсер.

Ну а, совсем уже наедине с собой, я величаю его обыкновенным мудаком. Потому что он любит давать мне самодурские задачи и требовать их выполнение сиюминутно.

– Про прииски золотые болтал?

– Нет.

– Плохо, – бьёт он по столу кулаком. – Я же просил разговорить его.

– Сами бы поговорили, – замечаю, разглядывая маникюр.

– Милочка, – краснеет. – Я всё могу сам. Поговорить с греком, сделать сам себе авторскую передачу. Есть только один вопрос, – взрывается. – На хрена мне тут ты, спрашивается?

– Пошла я, – тяжело вздыхаю и хватаю свою сумку. – Здесь аура у вас плохая. Надо бы проветрить.

– Анатолий Аркадьевич, – в кабинет заглядывает мой заклятый коллега Артемий Вознесенский. – Вы заняты?!

– Нет, Артём, – намеренно приятно отвечает наш Карабас-Барабас. – Милочка уже уходит. А ты, – смотрит на меня язвительно и обращается к Вознесенскому, – проветри окно, – кивает в сторону закрытых жалюзи. – А то у нас здесь говорят аура плохая.

Усмехаюсь и облизываю идеально подрисованные карандашом губы.

– До свиданья.

От души хлопаю тяжёлой дверью. Сложив руки на груди, неторопливо иду по коридору.

Сзади слышится стук.

– Довела старика, Стоянова? – шипит Вознесенский. – Бросила, что ли?

Ржёт как идиот и болезненно дёргает за волосы, которые утром были аккуратно уложены в высокий хвост.

То, что я сплю с генеральным – давняя байка, этим уже даже стажёр не удивишь. Самое мерзкое – распространяет её человек, который сейчас пялится на мою задницу, обтянутую синими джинсами, и смещает взгляд ниже. Облизывается на чёрные ботфорты-чулки на высоком каблуке.

– И что ты в нём нашла? – спрашивает, поправляя смешную для тридцатилетнего мужика длинную чёлку. – Я бы тебя сам трахнул.

– Свою жену трахни, – отворачиваюсь.

– Жену я каждый день трахаю, – цедит он ехидно. – А тебя бы на разок. Верунчик, а?..

– Боюсь, на разок тебя не хватит, Вознесенский, – поднимаю руку и показываю ему «фак». – Дождевые черви в штанах меня не вставляют.

– С–сука, – шипит Артёмка.

Залетаю в студию и разместив одну ладонь на талии часто дышу. Приоткрытая в топе с длинным рукавом грудь тяжело вздымается.

Я... могу достойно себя защитить, но так хочется, чтобы это сделал кто-то другой... Врёзал этому козлу за все гадости, которые он совершил за годы моей работы на телике.

Подхватив тренч, вылетаю на улицу.

Усаживаюсь в свой любимый Опель и тут же, падаю на руль. Всхлипываю от обиды. Все как сговорились.

С волками жить – по-волчьи выть!

Это правило я давно осилила.

Успокоившись, подкрашиваю ресницы и губы. Очерчиваю кисточкой высокие скулы на лице. Сбрызгиваю длинную шею вкусной туалеткой. Мой внешний вид – это то, что всегда придаёт уверенности. Какая бы беспроглядность в жизни ни накрывала!

Выехав на дорогу, отвечаю на звонок Анны Ивановны.

– Да, слушаю.

– Верочка, тебе удобно говорить? Ты не перед камерой?

– Нет, Анна Ивановна, я за рулём.

– Ааа, – неуверенно отвечает соседка моих родителей. – Верочка, с мамой, по-моему, беда случилась.

– Что такое? – дрожащими руками резко паркуюсь справа и врубаю «аварийку».

– С утра слышала её стоны. Думала, может, какие процедуры делает? А они всё не проходили. А вот где-то час назад, я как раз вышла тут убраться на площадке, они прекратились. Я позвонила в квартиру, а никто не открывает.

– Разве папы нет дома? – удивляюсь, смахивая набежавшие слёзы.

– Наверное, запил опять, Верочка, – понижает голос Анна Ивановна.

Стискиваю ладонью подбородок, чтобы не разрыдаться.

– Я сейчас буду, спасибо, – всхлипываю.

На автопилоте добираюсь до родительского дома. От телестудии это совсем недалеко, да и пробок на дорогах пока немного.

Наспех закрыв машину, бегу к подъезду. Игнорирую лифт и через ступеньку взлетаю на третий этаж. Своими ключами вскрываю металлическую дверь.

– Мама, – кричу и не разунаясь просачиваюсь внутрь квартиры.

Боже.

Сколько раз я так заскакивала сюда и боялась обнаружить самое страшное...

Не счесть.

– Ма-моч-ка, – выдыхаю, когда замечаю тело на полу в гостиной.

Оседаю рядом. Морщусь.

– Ты как здесь?

– Упала, – сообщает она тихо.

– А папа где?

– К дяде Васе ушёл, ещё вчера.

Качаю головой и стискиваю зубы.

– Пойдём, моя хорошая, – просовываю руку под плечи и тяну наверх.

Поддерживая за талию, с удручающе медленной скоростью добираемся до кровати в спальне. Укладываю маму на матрас и поправляя ночную рубашку, обмираю. Кожа ледяная. Сколько она там пролежала на холодном полу? С утра? Сейчас три часа дня...

Тело бьёт мелкой дрожью, в висках молоток пульсирует.

Укрыв маму двумя одеялами, иду к комоду и проверяю блистеры с лекарствами. Считаю капсулы и заглядываю в блокнот, лежащий рядом.

Вычисляю количество дней с покупки таблеток и минусую остатки.

– Мама, – стону громко. – Ты снова не пьёшь лекарства?

– Пью, – говорит она слабо.

– Ну где же? – разворачиваюсь и наконец-то скидываю тренч на кресло. Закатываю рукава. – Вот смотри. Таблеток должно остаться двадцать четыре, а у тебя их ещё больше сорока. Это значит ты почти неделю пропустила.

– Я пи-ла, – отзывается она возмущённо. – Клянусь тебе.

– Если бы пила, их бы не было. Как, по-твоему, они здесь появились?!

– Ты всё неправильно считаешь.

Отбросив блистеры, хватаю телефон из сумки и выхожу из комнаты. Завернув на кухню, резко зажимаю нос и тут же захлопываю покосившуюся дверь.

По стене съезжаю на пол и ищу в телефоне нужный контакт.

– Привет, Вер, – тут же отзывается Олег.

– Привет, – смахиваю набегающие слёзы.

Вся моя жизнь – это борьба непреодолимой потребности в том, чтобы меня пожалели с отвращением к чувству жалости в целом. Такой вот парадокс, достойный философских размышлений.

– Ты плачешь? – спрашивает он обеспокоенно.

– Мама опять упала. С утра лежала на полу в пустой квартире.

– Опять забыла про таблетки?

– Да...

Олег удручённо вздыхает и продолжает:

– Вер... Мы с тобой уже разговаривали, что болезнь Паркинсона коварное заболевание. Если не принимать терапию, мышцы стремительно атрофируются и твоя мама не сможет даже головой шевелить.

– Я знаю, – отвечаю чуть резче обычного.

– Ты хотела нанять сиделку для контроля, – напоминает.

Молча вздыхаю. Две последние сиделки сбегали, как только отец напивался до поросячьего визга и устраивал кордебалеты.

– Ладно, – отчаянно бьюсь головой о стену. – Спасибо за поддержку, Олег.

– Пфф, – выговаривает он. – Ну хочешь, я приеду?

Открываю глаза и изучаю обшарпанные обои и около полусотни пустых бутылок в углу. Вдыхаю кислый запах, который разносится из кухни от пакетов с мусором.

– Не надо, Олеж. Завтра увидимся.

Глава 6

Вера

Всё началось около пяти лет назад.

Я тогда была на пике карьеры.

Классные репортажи, выдающиеся интервью с самыми всевозможными гостями. Вызов с главного телеканала страны пришёл неожиданно. В момент, когда об этом сообщили, я как раз завтракала на кухне своей новенькой квартиры.

На которую я заработала сама. Даже не насосала. Хотя я и это не осуждаю. Каждому своё.

В столицу я вылетела первым рейсом. Сначала собеседование с директором информационного вещания, затем с генеральным продюсером.

Эмоции зашкаливали. Хотелось всего и сразу. Денег, популярности, узнаваемости... вернуться в родной город победительницей. Самонадеянно, не правда ли?!

Предварительно одобрив мою кандидатуру, меня отпустили завершать дела и дорабатывать телесезон у себя на канале.

Так принято.

Первый огромный ком с горы под названием «Жизнь Веры Стояновой» полетел весной, перед самым окончанием сезона.

Сначала мама...

Долгое время мы не замечали её шаркающей походки и навязчивых движений головой. Сначала они были еле заметны, потом... наверное, творилось общее отрицание. Ровно до тех пор, пока в один день она не вышла в сад на даче и не упала так, что подняться самостоятельно уже не смогла.

Вердикт невролога – болезнь Паркинсона – сначала я восприняла как что-то незначительное.

Ну болезнь, ну да... Есть ведь таблетки?..

Прочитала в интернете – люди живут десятилетиями, чётко соблюдая все условия терапии.

Успокоилась.

Ибо можно спокойно покупать дорогостоящие лекарства, так как врач сказал, что качественные препараты стоят дорого, на обычную пенсию их не потянуть. При этом работать в столице, и приезжать раз в месяц навещать родителей.

Совсем скоро я искренне посмеюсь над собой и поплачу... Потому что не всё так просто. Оказалось, заболевание коварное – расшатывается нервная система. Мама стала раздражительной, началась затяжная депрессия.

Следующий удар – отец. Папа...

Проблемы с алкоголем были и раньше. Но после того как жить с мамой стало невыносимо, папа начал пить ещё больше. Таким образом, убегать от реальности, наверное.

В общем, от мечты пришлось отказаться.

И вообще, жизнь заставила сменить приоритеты.

Жалею ли я?

Когда я поняла, что мне не хватает совести ответить на этот вопрос утвердительно – обратилась к психологу.

После долгой работы над собой, я без зазрения совести могу ответить: «Да! Я жалею! Жалею так, что несколько лет подряд мне снилась новая работа, а тот канал... в общем я снесла его с домашнего телевизора...».

*

Придерживая подол короткого золотого платья, расшитого бисером, прохожу на второй этаж нашего местного Дворца Культуры. Чувствую себя в этом наряде Бейонсе, не меньше. Мужские взгляды придают уверенности.

Несколько раз останавливаюсь, чтобы сфотографироваться с жителями города. Улыбаюсь, стараюсь держать спину прямо и желаю им всего хорошего. Поправляю небольшую сумочку на длинной, тонкой цепочке.

– Вера, – слышу сзади знакомый голос.

Разворачиваюсь и тут же укладываю руки на мужскую грудь.

– Привет, – искренне улыбаюсь.

Олег целует коротко в губы и смотрит вниз.

– Платье шикарное.

– Я старалась, – немного отхожу, чтобы разглядел меня получше.

– У тебя роскошная фигура. А ноги вообще... отвал всего, – качает он головой. – Но я уже это тысячу раз тебе говорил.

Подхватываю его локоть и тихо посмеиваюсь:

– Ну, комплименты можешь повторять почаще. Я не обидчивая.

В холле почти нет людей и когда мы проходим в торжественный зал, я понимаю почему. Все давно уже здесь.

В основном работники бюджетной сферы и предприниматели. А ещё много официантов и администраторы с бейджиками. Олега тут же окликают коллеги и около пятнадцати минут мы болтаем с ними. Многих из них я знаю, так как в прошлом месяце участвовала в их корпоративном мероприятии – что-то вроде Дня здоровья. Только, когда вокруг тебя куча врачей и много-много водки.

Чуть позже наблюдаем за событиями на сцене. Олег приобнимает сзади, упираюсь лопатками ему в грудь. Мужская ладонь ласково поглаживает мою талию.

Но всё в рамках приличия.

Периодически чувствую на себя чей-то взгляд, но озираясь, никак не могу уловить его источник.

Становится неудобно.

Олег ничего не замечает. Рассеянно чмокнув в щёку, убегает на сцену, когда ведущий объявляет номинацию.

Переступаю с ноги на ногу и приобнимаю себя за плечи, удерживая бокал с шампанским в правой руке.

– Привет, – слышу хриплое за спиной.

Закусываю нижнюю губу от раздражения и досады. Сегодня только суббота и я не планировала его здесь увидеть.

Макрис.

Так и знала, что предчувствие меня не обманывает.

– Привет, Андрей, – равнодушно киваю.

Он, создавая видимость светской беседы, спрашивает:

– Как дела?

– Без проблем, спасибо, – выговариваю ровно.

Зелёные глаза оценивающе изучают сверкающий наряд, задерживаются на стройных ногах.

– Какие у тебя могут быть проблемы? – в заключение Адриан сканирует симпатичную ложбинку между грудей. – Если только микрофон разрядился? – ёрничает. – Или оператор не вышел?!

Стискиваю сумочку и задерживаю дыхание. От обиды внутренние опоры рушатся, но я сильная. У меня всегда есть дополнительные резервы, о которых часто я и сама не подозреваю.

– И то правда, – сдавленно отвечаю, быстро приходя в себя. – Проблем нет, – ослепительно улыбаюсь. – Чин-чин, – поднимаю бокал.

Снова смотрю на сцену и аплодирую с наигранным весельем. Активно машу рукой счастливому Олегу.

– Неужели появился мужик, который может вытерпеть тебя дольше десяти минут, не снимая брюк? – спрашивает Адриан.

– Ты про Олега? – провокационно закатываю глаза. – Он просто видит во мне не только сексуальный объект. Тебе не понять...

Грек скептически кривит губы и залпом выпивает содержимое своего бокала.

– Познакомь нас, Вера. Сейчас, – произносит со сталью в голосе.

– Зачем?

– Хочу успеть пожать ему руку перед тем, как ты с ним расстанешься.

– С чего бы это? – усмехаюсь.

– Потому что я так сказал. А ты будешь слушаться, ясно? – отрезает.

Прикрываю глаза, стараясь скрыть эмоции. Да за что мне всё это?! Два года назад я всё это пережила.

Своей вины не снимаю, тоже много дел наворотила.

Но...

Он уехал – я осталась здесь. Одна. С больной мамой, с пьющим отцом.

Я его отпустила...

Чёрт. Не так!.. Всё не так!..

Я смирилась с тем, что он меня отпустил...

Украдкой изучаю строгий мужской, облегающий широкие плечи пиджак и чёрную рубашку под ним. Классические синие джинсы. Начищенную обувь.

– А что, если у меня к Олегу настоящие чувства? – робко поднимаю глаза и вонзаюсь взглядом в безразличное лицо Адриана, которое сейчас же становится жёстким и одержимым.

– Мы оба знаем, что для тебя это не проблема.

Отшатываюсь словно от удара хлыстом по обнажённой коже.

Адриан отставляет пустой бокал на столик и приподнимает руку. Разглядывает золотые часы на запястье:

– Двадцать четыре часа, Вера. И ты сама с ним расстанешься. Вот увидишь.

Глава 7

Вера

«Двадцать четыре часа, Вера!»

Щурюсь от проникающего сквозь большие окна солнца и прошу официанта принести сразу две чашки американо.

Надо как-то собраться с мыслями.

Из отведённых греческим распорядителем суток осталось шесть часов... А Олег, пребывая в отличном настроении, неустанно шлёт мне фотографии своей дочки. С её мамой они расстались около трёх лет назад и сейчас он довольствуется ролью воскресного папы.

Что придумал Макрис?

Кусаю губы и отпиваю глоток обжигающего напитка. Горечь помогает сконцентрироваться и расшевелить уснувшие извилины.

Он ведь... не ревнует?

Было бы максимально странно увидеть его ревность сейчас, спустя два года после расставания.

Нет, конечно, пока мы встречались он, так или иначе, проявлял собственнические замашки в отношении моей персоны. Юбки короткие, конечно, носить не запрещал, ему и самому они нравились, а ещё больше было по душе их снимать...

Безбожно краснею и закашливаюсь.

Я. Не позволю. Ему. Снова. Обидеть. Меня.

Достаточно натерпелась.

Сегодня я все ему выскажу. Мои отношения – это мое дело. И только я буду решать, когда их заканчивать и надо ли вообще... Олег меня полностью устраивает.

С ним... удобно. Лишних вопросов не задаёт. Так же, как и я постоянно пропадает на работе. Секс у нас на твёрдую четвёрку с плюсом, что в целом для начала отношений довольно неплохо.

Я продолжу встречаться с врачом, а грек пусть засунет свои хотелки куда подальше. Надо заканчивать так реагировать на него.

Подумаешь, нелёгкая снова в Россию принесла...

Всё это я проговариваю и кажусь себе сильной и независимой от мнения Адриана Макриса, ровно до тех пор, пока в очередной раз надо мной не слышится:

– Привет!

Для независимого человека, я слишком резко и неуклюже оборачиваюсь и чересчур округляю глаза, когда они упираются в огромных, я бы даже сказала карикатурно огромных размеров букет.

Красные высокие розы с объёмными шикарными бутонами. Штук сто пятьдесят не меньше.

Показная пошлость. Пыль в глаза он всегда пускал неплохо.

Чтобы выказать Адриану такое же наигранное уважение привстаю со стула, поправляя короткое ярко-синее платье с длинными рукавами, и падаю обратно.

– Это что? – ошарашенно спрашиваю.

– Я не очень силен в остроумии на русском, поэтому ответу банально – букет для прекрасной дамы.

Большая рука болезненно впивается мне в локоть и силой заставляет подняться. Его глаза не выражают ни одной эмоции. Там пусто и... зябко.

Ёжусь от пронизывающего внутренности холода.

Принимаю букет с абсолютно каменным выражением лица.

Макрис усаживается напротив и кивает официанту.

– Ты сегодня одна? – обращается ко мне. – Без помощника? Не вижу вычурных аксессуаров на груди.

Язвительно улыбается. О броши напоминает.

– Поняла, что это не мой стиль.

– Я рад. Поверю тебе на слово и не буду проводить ревизию в местном туалете.

В эту же секунду вспыхиваю и залпом допиваю первую чашку кофе, чувствуя, как он оседает в желудке приятной тяжестью.

– Так... О чём ты хотел пообщаться? – приподнимаю брови и по-деловому убираю телефон.

– У меня для тебя предложение.

– Руки и сердца? – наигранно улыбаюсь, откидываясь на спинку стула. – Ах, Андрюш, ты опоздал. Я ждала его чуть раньше.

– Никогда бы не подумал, что ты желаешь замуж, – тоже усаживается поудобнее и медленно осматривает всех посетителей в ресторане. – Но предложение другое, – переводит на меня строгий взгляд. – Ты поможешь мне купить Артель.

Откидываю голову и тихо посмеиваюсь.

– Всегда считала, что предложение – это что-то с вопросительной интонацией, а не повелительной, как у тебя выходит.

Адриан игнорирует мою насмешку и продолжает ровным голосом:

– Ближайший месяц мы будем представляться парой, вместе жить и рука об руку посещать официальные мероприятия. Информация для всех – я вернулся, и мы решили попробовать сначала.

Что за бред?!

– Зачем тебе это? – внимательно изучаю выражение его лица, пытаюсь разгадать, что именно он задумал.

– Ты хорошо знаешь местных. Тебе здесь доверяют, – отвечает сухо.

Раздраженно закатываю глаза, и как я сама не догадалась?

– А зачем это мне? Ты, кажется, забыл. Я в отношениях, у меня прекрасная жизнь. И я не нуждаюсь в твоих деньгах, – пожимаю плечами и скидываю в сумочку телефон, собираясь поскорее уйти из этого ресторана.

Сейчас я понимаю, почему столик выбран так, на первый взгляд, казалось бы, неудачно – в центре зала. Наша пара так заметнее... Ещё и с этим пафосным веником, стоящим рядом со мной.

– Я пойду, – произношу тихо.

Адриан будто бы не сомневается в выбранной им стратегии. Спокойно разрезает сочный стейк, принесённый ему официантом, и кивает:

– Поверь мне, тебе это нужно будет не меньше.

– Ой, всё! – вскакиваю.

– Ты знаешь, что вчера с банковского счёта телеканала были оплачены декорации для нового проекта.

Внутри меня загорается свет.

Всеми виной предвкушение чего-то значимого в моей жизни, наконец-то стоящего. То, к чему я шла достаточно долго, чтобы иметь право радоваться.

Макрис изучающе смотрит за тем, как я пытаюсь сдержать самодовольную улыбку, а затем качает головой и наклоняется, добавляя чуть тише:

– А о том, что имя и фамилия на этих декорациях – Артемий Вознесенский?! В курсе?

Моя сумка с оглушительным звуком падает на пол, а я приземляюсь на стул.

Душа тоже в пятки уходит. Сердечный ритм выбивает чечётку на моём оскорблённом чувстве собственного достоинства.

С силой сжимаю кулаки и мысленно скручиваю шею проклятому Батюшке. Это мой проект. Я сама его разрабатывала. Концепцию, гостей, направления обсуждений.

Козёл! Урод моральный!

Я... Боже!..

– Что ты предлагаешь? – спрашиваю твёрдо. – С генеральным продюсером ты всё равно ничего не сделаешь, – уныло качаю головой.

– С ним нет, – Адриан потирает двумя пальцами подбородок и перемещает руку на свой плоский живот, – но у меня есть один хороший друг.

– Кто?

– Слава Мухамадьяров.

Прищуриваюсь, пытаюсь уловить связь, на которую грек намекает.

– Вячеслав Самирович? – вспыхиваю.

– Он самый, малыш, – Адриан тепло улыбается и на секунду меня уносит в прошлое. Эмоции так резко сменяют друг друга, что я растерянно хлопаю глазами и не сразу замечаю солидного мужчину, который подходит к нашему столику.

Чёрт.

Надо же было так повестись на ласкательную интонацию.

Чуть шнурки на ботинках ему завязывать не побежала... Какая же ты жалкая, Вера!..

Собеседник Адриана периодически на меня посматривает, кивает одобрительно и вскоре, извинившись, откланивается.

– Откуда ты знаешь собственника «Медиахолдинга», в который входит наш телеканал? – склоняюсь над столом и интересуюсь.

– Супруга Славы – моя троюродная кузина по отцу.

– Ясно, – облизываю губы нетерпеливо. – И... что?

– На канале будут выходить твои «Мурзилки». Ты помогаешь мне, я – тебе.

– А дальше? – собираю все внутренние резервы, чтобы услышать ответ.

– Дальше каждый сам за себя, – становится он серьёзным. – Ты останешься со своим проектом, я... – морщится. – В общем, тоже уберусь...

На секунду задумываюсь. Так много хочется спросить, но изо рта выскальзывает следующее:

– Мы... будем вместе спать?

– Только если ты сама этого захочешь, – пожимает он плечами безразлично.

Словно я его про хамон на завтрак спрашиваю. Бесчувственная гора!

– Не дождёшься, – выплёвываю.

– Мы оба знаем, что без секса ты долго не протянешь. Так что я в этом случае больше благотворитель.

– Спасибо, – перевожу взгляд на его лицо. Хочется рукой стереть самодовольное выражение на нём. – Но не стоит волноваться за меня. Слава богу, человечество придумало массу приспособлений для такого случая.

В зелёных глазах Адриана впервые за наш сегодняшний разговор вспыхивают озорные блики, и меня до проклятой дрожи в коленях обволакивает его хриплый сексуальный смех.

– В таком случае, я подожду, пока ты посадишь батарейки, Вера.

– Секс с тобой меня не интересует, Адриан, – нахмурившись, напоминаю. – К тому же ты всё видел... У меня есть мужчина, и мы с Олегом вполне счастливы.

– И давно вы... – морщится. – Счастливы?!

– А вот это, – складываю руки на груди. – Не твоё дело.

Смотрим друг на друга в упор.

Адриан сдаётся первым, хмыкает и скучаяще обводит взглядом посетителей ресторана. А затем резко наклоняется ко мне.

– Ты хвост привьела? – цедит через стол.

Становится злющим, как чёрт.

На инстинктах собираюсь обернуться, но моей щеки вдруг касается знакомая до боли ладонь, благодаря которой я забываю обо всём. Несмотря на то, что в движениях нет даже намёка на ласку.

Ну кого ты обманываешь, Вера?

Всё та же глупая дурочка.

– Не знаю, – пытаюсь унять нервную дрожь. – Я никого не видела. Честно.

Адриан смачно ругается на смеси русского и греческого языков и обводит пылающую от волнения скулу большим пальцем.

Уже немного ласковее. Так что у меня пальчики в узких туфлях сжимаются.

Ещё чуть-чуть и я поверю, что Адриану нравится, потому как делает он это слишком долго, а когда наконец-то отстраняется, стараюсь скрыть разочарование.

– У нас свидание, дорогая. Не привлекай внимание, – говорит он тихо.

В зелёных глазах плескается обожание и восхищение.

Надо признать актёр из него неплохой. И очень красивый... Просто сумасшедше прекрасный, твою мать. Его ровному загару и подтянутой фигуре безумно идёт темно-синий деловой костюм. Просто фантастически.

– Хорошо, – облизываю пересохшие губы.

Взяв вилку, размазываю по тарелке салат с морепродуктами и украдкой слежу за тем, как Адриан расправляется со стейком. Изучаю воротник белоснежной рубашки, ухоженные мужские руки, ловко управляющие ножом с вилкой.

Эта пауза помогает мне немного собраться.

– Мы говорили о твоём... знакомом, – кивает он и, как и вчера, смотрит на часы. – Сегодня же реши эту проблему, Вера.

– Проблему? – округляю глаза.

– Ты же не думаешь, что моя женщина будет встречаться ещё с кем-то?! Это исключено.

– Я не твоя женщина, – разъярённо выговариваю, наклонившись.

Сжимаю зубы до противного скрежета.

Я не игрушка. Пожалуйста, хватит!

– На ближайший месяц – моя, – отрезает Адриан. – Или ты не согласна?

– Я...

– Скажи сразу, Вера, – продавливает. – Если мы не договорились, то лучше эту беседу закончить.

Резко отшатываюсь и опускаю голову.

Что мне делать? Как быть?

На одной чаше весов едва начавшиеся отношения с Олегом. На другой – моя карьера и вся моя жизнь. Возможность покупать лекарства для мамы, что немаловажно.

– Я жду, – приподнимает брови Адриан.

Откладывает приборы и потирает щетину на подбородке.

– Какие у меня гарантии? – нарушаю молчание.

– Я твоя гарантия, – отвечает он по-деловому. – Это справедливо. Ты так не считаешь?

– Почему я должна так думать?

Уголки его губ дрогнув, летят наверх.

– В этом случае у тебя не возникнет желания перейти на другую сторону баррикад.

– Но это твои гарантии, Адриан. А я спрашиваю про свои.

Он смеётся. Интимно и чарующе.

Понимаю, что это игра на публику... но мурашки вдоль позвоночника всё равно пробегают.

– Обожаю твой острый ум, коритсаки. (девочка – перевод с греч. – прим Авт)

Вспыхиваю.

– И что же?

– Как я уже и сказал, я твоя гарантия. Тебе придётся мне поверить, Вера.

– После всего? Поверить тебе? – усмехаюсь, но тут же становлюсь серьёзной.

Адриан тоже злится. Как и тогда...

– Если бы ты позволила объясниться, я бы обязательно это сделал. Два года назад. Сейчас уже неактуально.

– Согласна.

– Поэтому, если хочешь...

– Я согласна, – шиплю сердито.

В конце концов, что я теряю? С Олегом договорюсь.

Макриса месяц перетерплю.

Зато утру нос сразу обоим – Батюшке и его прихвостню Вознесенскому. Просто потираю ручки, представляя их разъярённые лица, когда они обо всём узнают.

– Рад, что ты приняла правильное решение, Вера, – произносит Адриан серьёзно. – В таком случае избавься от своего приятеля и собери вещи на ближайший месяц. Я арендовал дом в пригороде. Там всё готово к твоему переезду.

– У меня будет два условия.

– Мы оба понимаем, что ты не в том положении, чтобы ставить мне условия. Но... я тоже человек, – он разводит руками открыто. – И готов дать тебе такую возможность.

Высокомерный сноб ты, а не человек!

– Мне нужна отдельная комната.

– Без проблем, – безразлично отзывается он.

– Ты не будешь меня контролировать.

Адриан снисходительно подмигивает и переключает внимание на официанта.

– Шампанского, пожалуйста.

– Андрей...

– Отметим, – давит взглядом.

Раздраженно закатываю глаза и сжимаю вилку в руке. Что за невозможный человек?!

Следующие полчаса проходят весьма спокойно. Мы делаем вид, что упиваемся обществом друг друга и действительно наслаждаемся вкусом изысканного шампанского.

– Расскажи мне про Прохорова.

– Я уверена, что ты и так всё знаешь.

– Хочу, чтобы ты рассказала, – мягко улыбается Адриан, незаметно поглядывая всё за тот же столик.

– Хмм...

Упираю подбородок в сложенные в замок ладони и пытаюсь припомнить совершенно разные факты.

– Всеволод Андреевич Прохоров... Что сказать?.. В прошлом году с размахом отметил шестидесятилетие. Весь город гудел. Я тоже была в числе приглашённых. Кстати, на приёме были все начиная от мэра, главного прокурора, и заканчивая криминальными личностями.

Эта информация Макриса ни капли не смущает, поэтому я как можно тише продолжаю:

– Не женат... Но любовниц всегда было много. Обожают пухленьких смазливых девиц.

– Милая, – Адриан снова улыбается слишком тепло, протягивает руку через стол и ласково касается моей ладони. – Ты, кажется, путаешь меня с Опррой Уинфри... Лучше расскажи о его делах и бизнесе.

Устало вздыхая, чувствую себя на сцене. А сцена, как известно, не любит ничего настоящего. Поэтому там всегда стразы вместо бриллиантов и бессодержательная гримаса вместо настоящих слёз.

Морщусь и делаю вид, что прикрываю рот ладонью. Фактически же просто хочу немедленно разорвать физический контакт между нами.

Потому что его наигранная нежность... ранит сразу двумя кончиками. Один из них воспоминания двухлетней давности, а другой, что без спектакля он со мной никогда больше таким не будет.

– У Прохорова в активах несколько заводов. Самый крупный – металлургический. Пару лет назад ходили слухи, что он связан с подпольным игорным бизнесом и ввозом в Россию контрабанды.

– Контрабанды?

– Да, его партнёра взяли на таможне с партией драгоценных камней. Прохорову тогда удалось открититься.

Адриан задумчиво постукивает по столу пальцами.

– Что ещё?

– Не знаю, – прищурившись, тяжело вздыхаю. – У него есть дочь.

– Дочь? В документах, подготовленных для меня, нет такой информации.

– Она внебрачная. Там странная история. Я о ней знаю только благодаря тому, что Луиза несколько лет училась со мной в одном классе.

– У неё другая фамилия?

– Да, Корнева. – Киваю. – Но они с Прохоровым поддерживают связь.

Отвлекаюсь на внезапно возникшую в помещении мелодию саксофона. Передёргиваю плечами, когда ловлю на себе пристальный взгляд мужчины за соседним столиком.

Адриан, заметив это, поднимается и, застегнув верхнюю пуговицу пиджака, протягивает ко мне ладонь:

– Потанцуем, Вера?

Мои пальцы доверчиво ныряют в его руку. В эту же секунду от ладони по телу распускаются микротоки.

Вспоминается вдруг люкс и вид из окна...

Быстро собираюсь и вежливо улыбаюсь сидящим справа от нас знакомым женщинам. Кажется, сотрудницы администрации. Переставляю ноги за Адрианом, пытаюсь поспеть за широким шагом.

На танцполе пусто.

Естественно, мы сразу же привлекаем внимание. Боже. Естественно, этого он и добивался.

Чёрт бы его побрал!

Стискиваю зубы за мгновение до того, как мужская рука ложится чуть ниже талии. Не пошло или вульгарно, совсем нет. Но и не так, будто на танец меня позвал незнакомец из-за соседнего столика, а моё согласие – просто дань вежливости.

В лёгкие проникает аромат знакомой туалетной воды. В живот упирается привычная твёрдость. Это льстит, ей-богу.

Думаю... даже на расстоянии в нашей паре чувствуется близость. А может, мне бы хотелось так думать?..

Но однозначно то, как по-хозяйски Макрис припирает мою грудь к своей, должно о многом сообщить посетителям ресторана и заинтересованно наблюдающим за нами мужчинам.

И только я единственный человек в этом зале, который ни хрена не понимает.

Зачем всё это надо?

Тот факт, что он не будет делиться со мной своими мыслями – больно бьёт по щекам. Сложновато, знаете ли, управлять мужчиной, которого не видела два года.

Прикрываю глаза и, не прекращая медленно покачиваться, окунаюсь в воспоминания... Мы познакомились в Салониках.

Мой неспешный, первый за три года двухнедельный отпуск протекал на Кипре. Гид предложил трёхдневный тур в солнечную Грецию, я тут же согласилась, так как по глупости выбрала семейный отель и с утра до вечера лежала у бассейна под обстрелом детских водяных пистолетов.

Прибыв в аэропорт, заказала такси. А усевшись, обнаружила на заднем сидении ещё одного пассажира.

Мужчина. Взрослый и представительный.

Он был раздражён, я тоже. Завязалась лёгкая перепалка на английском.

В итоге водитель разозлился на нас ещё больше. Так сильно, что высадил обоих, даже не отъехав от здания терминала.

Не рассчитывая на знание русского языка у иностранца с явным греческим акцентом, я смачно выругалась.

Оппонент в сером деловом костюме с интересом на меня посмотрел и... расхохотался.

– Леди так не выражаются... – ответил он, отсмеявшись. Мазнул взглядом по моей правой ладони. – Мисс...

– Вера, – отозвалась я уныло и уселась на чемодан, вытянув длинные ноги. – Откуда вы знаете русский?

Состоялся небольшой разговор, который вылился в совместный ужин в симпатичном кафе на площади Аристотеля.

Понравился ли он мне сразу?..

Не знаю.

Внешне – пожалуй, да. Но весь его строгий облик говорил, что мой новый знакомый – Адриан Макрис – человек довольно сложный и неоднозначный.

А потом я подумала – что я теряю? В конце концов, в Салониках у меня три дня.

Всего три.

Почему бы и нет, Вер?

Так банально завязался наш курортный роман. Днём я была предоставлена сама себе, а вечера и ночи мы проводили вместе в гостинице.

Затем я вернулась на Кипр. Адриан остался в Греции.

Тот факт, что он довольно сухо попрощался и неохотно отвечал на немногочисленные сообщения, отчего-то отдавал горьким разочарованием.

Отсюда и удивление, когда он в предпоследний день моего отпуска прилетел в Ларнаку. А ещё спустя месяц, Макрис прибыл в Россию.

В Салониках и Афинах у него остался успешный финансовый бизнес. Управлять им дистанционно было нелегко, но он правда старался. Раз в месяц улетал на выходные, чтобы проконтролировать.

И вообще, Адриан довольно быстро просочился в жизнь города. Оказывается, греки – самая дружная нация. Местная диаспора приняла его как родного, а чуть позже даже выяснились реальные родственные связи с одной уважаемой семьёй.

Чем быстрее мой мужчина обрастал новыми знакомствами, тем больше я начинала ревновать. Слишком привыкла, что первое время он был только мой.

Нет, я не хотела, чтобы Андрей преданным псом сидел возле моей юбки, но и ежедневные встречи с греками, честно говоря, раздражали.

А потом... наши едва зародившиеся чувства стали обрастать претензиями, недомолвками и... подлостью.

Да и расстались мы... мягко говоря, не лучшими друзьями.

– Ты там медитируешь, что ли? – слышу над собой хриплый голос.

Открываю глаза, уставляюсь на широкий подбородок и резко вдыхаю, чувствуя некоторую тяжесть внутри.

Его так много, что мне воздуха не хватает!

– Можно так меня не сжимать? – скриплю сквозь зубы, пытаюсь незаметно отлипнуть от широких плеч. – Мне больно.

Смягчаю свои слова приторной улыбкой для зрителей, купивших билеты в первый ряд.

– Боюсь, что ты тогда совсем расклеишься? – смотрит он на меня сверху вниз, но его руки становятся более нежными.

– Не дождёшься, Андрей.

Зелёные глаза опускаются к моим губам, а ноздри раздуваются. Мужские ладони медленно ведут вдоль позвоночника, настойчиво ложатся на бёдра и замирают, слава богу.

– Расскажи мне про Умарова, – хрипит он, склоняясь над моим ухом.

Пф-ф. Медленно облизываю губы, пытаюсь сконцентрироваться.

– А ты с ним лично не знаком?

– Отличная попытка, – усмехается Адриан.

Качаю головой. Не верит мне и, кстати, прав.

– В отличие от Прохорова Умаров никогда не имел проблем с законом. Вполне адекватный дяденька, – пожимаю плечами, озираясь по сторонам. – Камиль Рустамович всегда относился к делу с душой, много занимается благотворительностью. Я знакома с сыном Умарова довольно близко. Феликс – художник.

– Близко? – выгибает брови.

– Некоторое время мы... были в одной компании.

– Спала с ним?

– О, боже. Замолчи, пожалуйста, – морщусь. – И вообще, – смеleю, когда начинаю злиться, – почему наш город?

– В смысле?

– Приисков в России много. Но ты выбрал именно этот.

– Понимаю, что тебе везде нужно найти романтический след, но тут всё просто. Продаётся именно этот – во-первых. Во-вторых, здесь у меня есть полезные знакомства. В том числе, с тобой.

«В том числе, с тобой».

Будь я проклята, если это не щелчок по носу.

– Ты...

Резко замолкаю.

В противоположном конце зала неожиданно раздаётся треск. Сильные руки на бёдрах становятся тяжёлыми, Адриан обнимает и резко разворачивается вместе со мной, как бы прикрывая.

Пульс разгоняется, словно на американских горках, от страха ноги становятся ватными.

– Приборы упали, – говорю выглядывая. Наблюдаю, как официант собирает с пола ложки с вилками. – Всё хорошо.

Незаметно даже для себя поглаживаю массивные плечи успокаивая. Тело дрожит от подскокившего адреналина. Когда он спадает, стыдливо убираю руки.

Всё-таки все эти шпионские страсти – не моё. В работе ещё куда ни шло, но подкреплённые личными эмоциями – невыносимы.

Вернувшись за столик, мы спокойно продолжаем ужин. Пьём шампанское. Я заказываю десерт и кофе.

Перевожу взгляд на панорамное окно и замечаю подъезжающий к ресторану черный внедорожник. Чуть позже мужчины, наблюдающие за нами, уезжают.

А я вдруг устало опускаю плечи. Как после длительного спектакля.

– Посажу тебя в такси, – говорит Адриан равнодушно поднимаясь.

– Ты... отдельно поедешь?

– Хотела, чтобы я тебя проводил? – с насмешкой отбивает.

Вспыхиваю.

– Ничего я не хотела, – оправдываюсь я. – Вообще, твоё дело, я просто подумала, что за нами будут следить.

В гардеробе Адриан помогает мне одеться, забирает строгое пальто, и мы выходим на улицу вместе.

– Адрес дома отправлю сообщением. Завтра жду с вещами. Сегодня же избавься от всех нежелательных контактов, – напоминает в приказном тоне, подцепляя мой локоть.

Фыркаю в ответ и закатываю глаза.

– Не надо со мной играть, Вера.

– Знаешь, чем отличается хороший журналист от плохого? – говорю, усаживаясь в такси.

Удерживая для меня заднюю дверь, Адриан молча приподнимает брови, и я сама отвечаю на свой вопрос, так и не дождавшись большей реакции:

– Хороший журналист всегда проверяет факты и держит своё слово. Поэтому ты можешь не сомневаться, если я пообещала.

Деловито укладываю сумочку на колени и уставляюсь на него.

Усмешка на жёстких губах становится злой. Почему-то вспоминается наш последний разговор два года назад...

– В таком случае ты журналист хуже ньюкуда, Вьера, – хрипит Адриан со странным выражением лица.

Резкий хлопок закрывающейся двери. Водитель начинает движение, а я с изумлением глазею на отдаляющуюся широкую мужскую спину, пока она не скрывается за поворотом...

Глава 8

Адриан

Серо...

В этой России всегда серо и грязно. Даже если чисто.

Такой вот парадокс.

Запахнув свободное пальто, обхожу двухметровую лужу и оборачиваюсь, чтобы с сожалением осмотреть ровный слой какой-то жижи с дороги на своём только что купленном «Геленд-вагене».

Охренеть.

Неужели люди по собственному желанию готовы жить здесь, зная, что где-то в мире есть места, где двести пятьдесят дней в году светит солнце.

Греция, например!

Решив сразу же после встречи, поискать ближайшую помывочную для авто, переключаю внимание на двухэтажное здание, граничащее с внушительных размеров автозаправочным комплексом.

Молодец, этот русский! За два года так поднялся.

Искренне улыбаюсь. Для меня, грека, выросшего в обществе людей, которые в большинстве своём любители откладывать на потом и почитатели ежедневной двухчасовой фieste, чужой успех, неподкреплённый родительским капиталом – это ценность. То, за что, несомненно, стоит уважать.

Тяну на себе железную дверь и оказываюсь в небольшом холле.

– Добрый день. Хозяина вашего могу навестить? – говорю девчонке на ресепшене.

Стараюсь без акцента, ну уж как получается. Видимо, так и останусь в этом городе белой вороной в чёрном пальто.

– Богдана Анатольевича? – улыбается девица приветливо.

– Его самого, – киваю, озираясь.

– А как вас представить?

– Скажите – Грек.

– Хорошо, сейчас сообщу. – С интересом приподнимает брови и выпрямляет спину.

Качаю головой.

Девчонка же совсем. А всё туда же, на взрослых дяденек потянуло. Что у них в головах?.. Кто их родители?.. Кто воспитывал?..

– Адриан Константинович, – слышу позади немного удивлённый давно знакомый голос.

– Привет, Богдан, – искренне улыбаюсь, поворачиваясь.

Соболев выглядит загруженным, поэтому не собираюсь задерживать его надолго.

– Ехал мимо, думаю – дай зайду, здороваюсь.

– Рад, что вспомнил, – Богдан кивает с уважением и улыбается в ответ. – Какими судьбами здесь?

Заметно, что он немного растерян. Два года назад я уезжал отсюда навсегда. Сам так думал и транслировал эти же мысли, прощаясь с местными.

До сих пор временами не понимаю природы своего решения вернуться. Мистика какая-то. Нерациональность мне несвойственная.

Обмениваемся с Соболевым крепким рукопожатием.

– На кофе останешься?

Секунду смотрю в окно. Дождь с мелким снегом вызывают тоску по солнечным Салоникам.

– Ты ведь знаешь, – усмехаюсь. – Для кофе у меня всегда есть время.

– Знаю, – гостеприимно рукой приглашает Богдан. – Поэтому и зазываю. Настя, кофе принеси, будь добра.

– Конечно, Богдан Анатольевич.

Через небольшой офис проходим в кабинет. Здесь довольно просторно и строгий порядок, отчего-то напоминающий армейский.

– Как дети? – спрашиваю первым делом, убирая пальто на вешалку.

Соболев неопределённо пожимает плечами.

– Ваньке пять, – произносит с теплотой в голосе. – Машке восемь. Во второй класс пошла. Красавица.

– Совсем большие, – слушаю с интересом, усаживаюсь в кресло. – Дети – пожалуй, лучшее что может случиться с мужчиной. У нас в Греции ценят семьи и боготворят маленьких командиров и командирш.

– Да, я помню, ты рассказывал.

Соболев потирает затылок ладонью и замуривает глаза, по всей видимости, от перенапряжения.

– Как здоровье у супруги? – узнаю.

– Вполне, вполне, – кивает.

Может, кажется мне, но вроде грустнеет. Во всяком случае, лезть в душу не собираюсь. Своих проблем хватает.

– Решил вернуться? – спрашивает Богдан, когда приносят кофе.

– Можно и так сказать.

– Надолго?

Трудно вздыхаю.

– Посмотрим. Что ты знаешь о Прохорове?

Взгляд Соболева становится по-бизнесовому цепким и внимательным.

– Твою мать. Это ты тот иностранец, который решил связаться в их сделку с Умаровым?

– Надеюсь. Так... есть информация?

Соболев резко поднимается и отходит к окну. Разместив руки в карманы брюк, смотрит на свои владения.

– Я знаю о нём немало, но главное для тебя, Адриан, – поворачивается, приподнимает брови. – При всём уважении...

Киваю.

– Не ввязывайся в это.

Опускаю взгляд на кружку с блюдцем. Горячий кофе обжигает горло, но я упрямо выпиваю весь.

– Поздно, – пожимаю плечами равнодушно. – Но спасибо за совет, друг.

– Это не совет... друг. Это конкретное предостережение.

– Я понял, – киваю. – Спасибо за кофе.

Поднимаюсь и захватываю пальто.

– На прошлой неделе, – произносит Соболев, всё ещё сканируя вид из окна. – Краем уха слышал, что Прошка навёл справки о нашей общей знакомой с микрофоном в руках, – многозначительно разводит руками. – Сейчас понимаю, что к чему.

– Об этом тоже в курсе, – зубы сжимаются до противного скрежета.

Что в головах этих людей?

Женщин и детей трогают только отморозки и уроды. Придётся держать журналистку рядом с собой всё это время.

Прощаясь, на секунду зависаю. На раздумья времени практически не остаётся, поэтому спрашиваю:

– Давно она в отношениях?

Соболев усмехается.

– Я не в курсе, – пожимает мне руку. – У нас с Яной... хмм... небольшой передел границ, поэтому с Верой видимся редко.

– Ясно.

Выхожу, не прощаясь и не оглядываясь. Обойдя лужи, стремительно заскакиваю в машину. Телефон разрывается от противной трели.

– Почему я не могу до тебя дозвониться? – Голос Хлои взволнованный и взбешённый одновременно.

– Что-то случилось? – уточняю.

– Конечно, случилось. Стала бы я тебе звонить просто так, – фыркает.

Усмехаюсь, потирая отросшую бороду. Надо бы побриться, совсем обленился в России. Слякоть навевает на меня тоску, хочется выпить чего покрепче и растопить камин. Надеюсь, вечером этим и займусь.

– Где мои документы, а? – продолжает сердиться Хлоя.

– Пф-ф... это разве ко мне вопрос?

– В последний раз именно ты их брал. Ездил к нотариусу, кажется.

– Было дело, – киваю, глядя перед собой.

На заправке останавливается знакомый Опель. Поправив тесную юбку, девушка прижимает к груди сумку и о чем-то увлеченно болтает со своим спутником. Прищуриваюсь, чтобы разглядеть его лицо получше.

На докторишку непохож. Парочка заходит в кафе у заправки.

– Так, где они? – отвлекает Хлоя.

– Кто? – из головы всё вылетает.

– Ты издеваешься надо мной? – взвизгивает.

– Не паникуй, – морщусь, растирая висок. – В кабинете, в столе смотрела?

– Да.

– В сейфе поищи.

– Ладно. Когда ты уже вернёшься?

– Не знаю. А что? Соскучилась?

– Что-то вроде того...

– Я тоже, – говорю больше на автомате. – Береги себя.

Отбиваю звонок, выхожу из машины и уверенным шагом направляюсь к придорожному кафе.

Глава 9

Вера

– Почему нам дали мусорный полигон? – озадаченно спрашивает Шурик, ныряя носом в меню.

Его вопрос вполне закономерен.

Порой я вообще не задумываюсь, что с помощью сложного характера помимо своей карьеры я талантливо гроблю ещё одну. А Александр Разин, сидящий напротив меня, самый профессиональный оператор из всех, кого я знаю!

И друг неплохой, между прочим.

– Хмм... Почему именно нам поручили взять интервью у директора мусорного полигона? – виновато прячу глаза. Чёрт. – Просто... там нужны профессионалы, – произношу несусветную глупость, от которой сама улыбаюсь.

– На помойке? – морщится Разин.

– Угу, – киваю.

– У Воскресенского два высших образования, – бормочет он, перелистывая пластиковые страницы. – А у этого бездаря-деревенщины, Колесникова, работающего с Артёмкой в связке и величающего себя «Оператором», за плечами курсы в Останкинской школе телевидения...

На секунду задумываюсь, чуть наклоняюсь и ослепительно улыбаюсь:

– Полагаю, при принятии решения победила наша харизма, Шур.

Разин не сдерживается. Громко хохочет, привлекая внимание посетителей придорожного кафе, куда мы заехали по дороге на городскую свалку.

Моя карьера пошла не в ту гору, – уныло замечаю про себя. – Вместо уютной студии и личной гримёрки – тонны не переработанных отходов.

Батюшка надо мной просто издевается. Пытается прогнать. Умом всё понимаю, но всё равно рефлексирую.

– Мы могли отказаться, – замечаю, когда Разин замолкает.

– Нужда и голод погонят в холод, Вер.

Усмехаюсь. Шурик любит пословицы и знает, кажется, все.

Но он прав. Если отказаться – оба останемся без работы.

Краем глаза замечаю знакомую фигуру. Сердце совершает немислимый кульбит, а рука тянется к волосам на инстинктах.

Не знаю почему...

При Макрисе всегда хочется быть причёсанной и... в лучшем виде.

– Добрый день, – здоровается он с нами, и снимает пальто черного цвета.

Недовольно осматриваю идеально выглаженные брюки, пиджак и белую рубашку под ним.

– Добрый-добрый, – Шурик с интересом поглядывает то на меня, то на грека.

Адриан не пытаюсь быть вежливым, усаживается рядом со мной на низкий диванчик и выхватывает из моих рук меню.

– Вы знакомы? – спрашивает Разин, нахмуриваясь.

– Ага, – вздыхаю и поглядываю в окно. – Мой... дядюшка.

Адриан громко усмехается, а широкие плечи резко дёргаются.

– Дядюшка? – оператор неверяще смотрит.

Во время нашего полугодового романа мы с Шуриком ещё не работали вместе, поэтому вряд ли он в курсе.

– Ага, дядюшка, – легко произношу. – Из Греции.

– Из Греции... – повторяет Разин, изучая Макрису, словно музейный экспонат.

Кошусь на Адриана.

Он на мою шалость больше никак не реагирует, задевает взглядом подол юбки и снова становится серьёзным. Если б знала, какую именно участь приберёт для меня генеральный продюсер на сегодня, обязательно бы напялила джинсы.

Увы.

– Ты выбрала? – спрашивает Адриан, кивая на папку в своих руках.

– Ага.

– Официант, – кричит он и поднимает два пальца.

– Овощной салат с говядиной, пожалуйста, – вежливо прошу. – И чай имбирный с лимоном и мёдом.

– Борщ с черным хлебом, – произносит Макрис, убирая меню.

Закатываю глаза от банальности его выбора. Разин заказывает бизнес-ланч – первое, второе и компот, и мы остаемся втроём.

– Я думал, вы постоянно едите греческий салат, – выдаёт Шурик недоверчиво.

– Я ел его на завтрак, – отвечает Адриан невозмутимо и, закинув руку мне за спину, усаживается поудобнее.

Под взглядом зеленых глаз чувствую себя немного скованно, но мой оператор мастерски решает проблему нежелания общаться с бывшим.

– А чем отличаются маслины от оливок?

Опускаю голову, стараясь скрыть улыбку.

– Кроме цвета, конечно, – добавляет Шурик.

Кажется, он готовит новые вопросы.

Макрис тяжело вздыхает. Так, словно встретил беспросветную глупость на своём пути.

– Погугли, – отвечает Разину грубовато.

Резко поворачиваюсь и сканирую идеальные черты лица. От его близости душно становится.

– Шурик очень любознательный, – тихо произношу в защиту коллеги. – И... добрый.

Не обижай его, пожалуйста, – прошу глазами.

Адриан кивает и снова переключается на парня.

– Вы работаете вместе? – спрашивает у него.

– Да. Я оператор.

– Ясно.

Немного отодвигается, позволяя официанту поставить перед ним тарелку борща. Я же пододвигаю к себе салат и с извращённым удовольствием кошусь на количество блюд перед Разиным.

– Вера, – вскрикивает он. – Когда закончится твоя диета?

– Это не диета, – возмущаюсь.

– Пока толстый сохнет, худой сдохнет, – выговаривает Шурик.

Адриан устремляет на меня вопросительный взгляд.

– Даже не вникай, – бормочу.

Коллега же не унимается.

– Это всё твой психиатр. Он абьюзер, я так и знал.

– Олег здесь ни при чём, – мотаю головой, подцепляя на вилку лист салата.

– Психиатр? – усмехается Макрис, а потом... хохочет.

Зло смотрю на него и под столом пихаю его ногу коленкой. Разин тоже подхватывает. У них с моим Олегом взаимная антипатия, видимых причин которой нет. Так бывает.

– Что тут смешного? Хватит ржать, – гневно смотрю то на одного, то на другого.

Бесят. Обычная профессия. Очень даже нужная. Олег лечил мою лучшую подругу, Янку. На неё напал таксист, пытался изнасиловать. В клинике неврозов, куда Янку определил её отец, мы с Олегом и встретились.

– Ты знаешь, что они часто сами с отклонениями? – произносит Шурик. – Я даже видел такого, на медосмотре для военного билета. Вот точь-в-точь твой через пару лет.

– Почему? – нахмуриваюсь.

– Он матерился, стряхивал пепел на меня и цитировал Карла Маркса. Такой же неадекватный.

– Александр, – гаркаю взбешенно.

Он сразу унимается. Знает, что за полным именем, выскользнувшим из моего рта, будет реальная взбучка. Как тогда, когда он случайно удалил запись интервью с директором цирка.

На Адриана не смотрю. Понимаю, что бесполезно.

Клюю носом в тарелку и пытаюсь доесть салат.

– Плохой мужичок, да огородишко, – философски произносит Разин. – Оставлю вас ненадолго, – говорит поднимаясь.

Сжимаю вилку посильнее и пытаюсь сделать вид, что присутствие Макриса меня не беспокоит.

Тело кричит об обратном.

Всё-таки чтобы отпустить человека недостаточно не писать ему и не звонить... Важно ещё не вспоминать. У меня не получалось.

– Ты поговорила со своим психом? – спрашивает Адриан, отодвигая практически нетронутую тарелку.

– Пока нет, – признаюсь. – Он психиатр, – поправляю.

Крепкая рука с силой ухватывается за мой локоть.

– В смысле, нет? Мы же договаривались.

– Олег на сутках, в клинике. Вечером приедет ко мне, и мы с ним поговорим.

– Во сколько он явится?

Уставляюсь на невозмутимое лицо и швыряю в него невидимые молнии. Одну за одной.

– В девять.

– Отлично, – произносит он сухо. – В десять заберу.

– Ты... – нервно дышу. – Издеваешься?

Отпихиваю его руку и нервно поправляю подол. Адриан рычит под нос какую-то русско-греческую тираду в мой адрес.

– Это ты издеваешься, – в его глазах зарождается нехороший блеск. – Мы договаривались.

– Дай мне время, – ударяю по столу кулаком. – Хватит командовать мной. Я тебе не девочка. Ясно?

Взвизгиваю, когда широкая ладонь стискивает моё бедро.

Проклятье.

– Ты реально считаешь, что мне всё это надо? – его скулы превращаются в камень.

Макрис поднимается с места и кивает вернувшемуся из туалета Шурику.

– Если тебе не надо, зачем привязался? – выкрикиваю, с яростью жестикулируя.

Посетители тактично делают вид, что ничего не слышат.

– Воу, воу, воу, – округляет глаза Шурик. – Вера, зачем так с дядей разговариваешь?

– Заткнись, – поворачиваемся к нему и цедим с Адрианом в голос.

Снова смотрим друг на друга в упор.

Я готова разнести его в пух и прах.

За прошлое и настоящее. За то, что вернулся. За то, что снова берedit раны, которые, казалось бы, затянулись.

Совершенно не успеваю среагировать, когда мои худые щёки попадают в плен больших рук, а сердитое лицо склоняется над моим. Упираюсь пальцами в твердый пресс. Поцелуй, которым Адриан награждает меня на глазах у всех присутствующих, максимально личный и взрослый. Горячий язык проникает в приоткрытый рот всего на пару секунд, но оставляет там максимум возможного.

Любимый вкус. Желание. И воспоминания о том, как всё было два года назад.

Ошарашенно отстраняюсь и провожу тыльной стороной ладони по губам. Дыхание сбивчивое, грудь, скрытая легкой тканью блузки, вздымается.

– В дьесать, – произносит Адриан хрипло.

Подхватывает пальто, и стремительным шагом выходит из кафе.

Шурик присвистывает и, не скрывая иронии в голосе, восхищенно проговаривает:

– Высокие у вас в семье отношения!

Глава 10

Вера

– Ты уверена, что это только на месяц? И зачем вообще надо изображать семейную пару с этим греком?

– Олж, – умоляюще тяну и ставлю перед ним чашку примирительного чая. – Это по работе, я же сказала.

– По работе, – качает он головой. – Я так надеялся, что ты получишь свою передачу и перестанешь таскаться по округе с микрофоном и балбесом Шуриком наперевес.

– Не надо так говорить про моего оператора, – прошу тихо.

– Прости, – тяжело вздохнув, Олег поднимается со стула, приближается и касается моих запястий. – Я просто злжсь. Злжсть – примитивное чувство, Вер. Как отходы... Если хранить в себе – проблем будет не обернуться, в том числе по моей части. Это я тебе как психиатр и «Медик года» говорю.

– Незачем тебе злиться, – произношу, глядя ему в глаза. – Это партзадание очередное. Но секретное пока. Поэтому не рассказывай никому, умоляю... Ладно?

– Сберегу твой секрет, Вер, – расслабляется Олег и коротко мажет по щеке холодными губами. – А ты пообещай, что этот упоротый Зевс и пальцем тебя не тронет!..

– Обещаю, Олж.

Киваю отстраненно, но уже сейчас понимаю, что я отчаянно желаю обратного...

Тем более, что губы еще горят от поцелуя, которым Адриан наградил меня перед уходом из кафе.

– Я останусь у тебя сегодня? – спрашивает Олег на ушко.

Черт.

Я так надеюсь, что он – это мое. Уважаемый врач, самодостаточный мужчина. Мы вместе превосходно смотримся, и он в отличии от некоторых почти не ограничивает моей свободы.

Поэтому я просто не могу его потерять.

Всё сложнее.

Потому что я не собираюсь терять Олега из-за очередной прихоти одного вредного грека.

– Мне нужно ехать, – смягчаю свой ответ несдержанным поцелуем. Его губы не кипят... Скорее теплая, нагретая солнцем речная водица... Мягкие и осторожные.

– Куда? – бубнит он, на секунду разрывая контакт. – К нему?..

Обхватывает талию и ведет руками ниже, настойчиво сминает ягодицы.

Мягко отстраняюсь.

– Считай, что я в командировке, – твердо произношу.

– Мы совсем не будем видеться? Целый месяц?

– Будем, конечно, – успокаиваю. Забравшись ладонями под пиджак, поглаживаю плечи. – Я позвоню тебе.

Проводив Олега, оперативно собираю чемодан на первое время.

Надеюсь, мы с Макрисом не сильно часто будем видеться. Я работаю, он тоже бездельничать не любит. Месяц пролетит незаметно.

Вместе с раздражением, в душе проскальзывает любопытство, как именно будет выглядеть дом, в котором мне предстоит жить.

С самого детства я представляла себя взрослой...

Мне двадцать пять, у меня муж, которого я безумно люблю, двое детей и обязательно собака – большой, белый лабрадор. Я была настолько наивной, что представляла совместные вечера со своей будущей идеальной семьей. Наши праздники, к примеру.

В восемнадцать я впервые задумалась, что, скорее всего, мой характер не создан для столь прекрасного будущего. Не хватает покладистости и... самопожертвования, что ли. В первую очередь, своей намечающейся карьерой.

В двадцать лет ещё торговалась по этому поводу с внутренним «Я».

В двадцать три – всё для себя решила.

Двадцать пять справила в полном одиночестве. Хотя нет... Вместе с разбитыми детскими мечтами, бутылкой холодного игристого вина и своим единственным верным другом, который всегда со мной – микрофоном.

Вообще-то, я не очень люблю и не совсем понимаю этот праздник. Почему я должна отмечать событие, к которому фактически не имела отношения? И уж тем более, что классного в том, что ещё один год и без того короткой земной жизни, остался за плечами. Иногда приходится закатывать шумные вечеринки – коллеги просят. А их я люблю и уважаю. Жизни себе не представляю без телецентра.

В дверь настойчиво стучат, когда я прохожусь по квартире, чтобы отключить все электроприборы.

– Ты одна? – спрашивает Адриан, заглядывая за моё плечо.

Недовольно проезжаю глазами по синим джинсам, белой футболке и черной кожаной куртке.

– А это тебя остановит? – недовольно отвечаю, перекидывая волосы на плечо, чтобы повязать лёгкий шарф.

Правую щёку пощипывает.

– Нет, – невозмутимо отвечает он.

Пожимаю плечами, как бы говоря: «Что и требовалось доказать» и тянусь к вешалке.

Мужская рука настойчиво отодвигает мою и Адриан легко расправляет пальто, кивая.

Закатываю раздраженно глаза и позволяю себе помочь.

– Это все твои вещи? – спрашивает озадаченно.

– Если что-то понадобится, я всегда могу заехать сюда.

Он неопределённо приподнимает брови, выходит из квартиры и терпеливо ожидает на лестничной клетке, пока я закрываю дверь.

Добравшись до стоянки, недовольно поглядываю на свою ласточку.

– Машину завтра заберу, – сообщаю, наблюдая, как Адриан укладывает мой чемодан в багажник Мерседеса.

Он иронично поглядывает на меня и отряхнув руки, обходит автомобиль и открывает для меня переднюю правую дверь.

– Ты не будешь ездить одна, – говорит он безапелляционно, как аксиому. – Поэтому машина побудет здесь.

– В смысле не буду? – округляю глаза, уставляясь на него.

Пока он огибает капот, из моих ушей успевают повалить пар.

– В смысле не буду? – повторяю.

– Угомонись, – гаркает Адриан предостерегающе. – Я устал и не настроен на твои истерики.

Быстро включает необходимые кнопки и датчики, я же шокировано за ним наблюдаю.

Затем отворачиваюсь и оскорблённо произношу:

– Я не истеричка.

– А я не глухой.

Сложив руки на груди, надуваю губы и внимательно рассматриваю жёлтые огоньки на автостраде.

– Какие продукты нужны для борща? – спрашивает Адриан, паркуясь у супермаркета.

– Ты... ел борщ на обед, – замечаю еле слышно.

– Пробовал. Есть его было невозможно.

Тяжело вздыхаю и перечисляю:

– Мясо, лучше говядина. Из овощей: картошка, свёкла, лук, морковь и капуста. Вкуснее, если будет квашенная.

– Хорошо, – кивает Адриан.

Озирается, потирая щетину, и мажет равнодушным взглядом по моему лицу:

– Сиди тихо.

– Дышать можно, надеюсь?

Прищуриваю глаза и наблюдаю, как он выходит из машины и, засунув руки в карманы кожаной куртки, вышагивает к входной группе. Опускаю взгляд на идеальную подкаченную задницу, обтянутую джинсами, а потом резко распахиваю дверь и вспрыгиваю на подножку.

– Адриан, – кричу на всю парковку.

Он и пара человек возле входа оборачиваются.

– Томатная паста, – вспоминаю.

Макрис громко цыкает и качает головой, вскидывая руку.

– Быстро в машину, безмозглая, – рычит озираясь.

Фыркаю и демонстративно бабахая дверью. В эту же секунду срабатывает центральный замок.

Хм.

Он что меня закрыл?

Думает я сбегу?

Покачав головой, веду пальцем по экрану мобильного телефона и проваливаюсь в приложение, в котором оставляю рабочие заметки.

Составляю план на завтра. Необходимо сделать монтаж сегодняшнего интервью и возможно, придется съездить на полигон, чтобы доснять крупный план.

Поднимаю глаза, когда замечаю высокую фигуру, наблюдающую за мной снаружи.

Вздрагиваю, поздно понимая, что это Макрис.

– Ты знаешь значение слова «тихо»? – произносит он со злостью, укладывая пакет на заднее сидение.

– Знаю, – огрызаюсь. – Хватит меня затыкать, – совершаю взмах волосами, подтверждая свою независимость.

Адриан не развивает конфликт. Усаживается в кресло и спокойно выезжает с парковки, направляя автомобиль в сторону выезда из города. Успеваю расстроиться, потому что с завтрашнего дня придется вставать раньше и на работу добираться гораздо дольше.

– Как готовится борщ? – спрашивает Адриан уже спокойнее. – Расскажи мне.

– Погугли, – возвращаю ему совет данный Шурику.

– Вера, – он осуждающе меня осматривает. – Хватит вести себя как пятилетний ребенок, прошу тебя.

Закусываю губу отворачиваясь. Больно надо. Минут десять молча едем по загородной трассе.

– Так что там? – узнаёт Адриан ещё раз, сжимая руль. – С борщом?

– Сама приготовлю, – произношу после длительной паузы.

Ну не бросит добропорядочная россиянка голодного, хоть и вредного, иностранца... Так ведь? Может, хоть немного его задобрю. Древнегреческая душа смиростивится и разрешит своей пленнице забрать «Опель» со стоянки.

Улыбаюсь, в темноте поглядывая на жёсткий профиль.

Слава богу, у меня есть работа. Придумаю что-нибудь. Договорюсь с Батюшкой. Я готова исследовать все помойки в стране, если это будут как минимум двухдневные командировки.

Радуюсь возникшей идее, но неожиданно вспоминаю который час.

Черт.

– Я, конечно, уважаю твоё желание отведать пищи старорусской, но давай перенесём мой дебют на завтра? Боюсь опоздать на работу. У меня режим.

Ровный ряд зубов сверкает в полутьме белизной, а затем слышится снисходительная усмешка.

– За это не переживай, дорогая. Забыл тебя предупредить, я договорился со Славой. Ближайший месяц ты в отпуске. Приказ подписан и сдан в бухгалтерию.

Глава 11

Вера

Следующим утром выйдя из ванной комнаты, раскрываю чемодан, брошенный вчера в сердцах, и пытаюсь отыскать что-нибудь скромное.

Например, костюм серой мыши, которого в моём гардеробе не было отродясь.

Хватаю черную футболку оверсайз и легинсы, быстро одеваюсь и босиком шлёпаю по лесенкам на первый этаж.

Наконец-то я могу рассмотреть дом.

Это совершенно удивительно, но он напоминает мне тот, что был у «идеальной семьи» в глупых мечтаниях из детства.

Макрис даже в моих триггерах покопался.

Везде залез со своим сорок пятым размером. Везде оставил след. Сейчас уже кажется, что неизгладимый.

Дом двухэтажный, просторный. Со светлой гостиной, в которую заглядываю по пути. С паркетом цвета ольхи, с высокими, распашными дверями, уютным камином и... боже, с огромной, белоснежной кухней.

Мастерски убираю с лица щенячий восторг, когда напарываюсь взглядом на хозяина дома, сидящего в центре кухни за большим островом. Одна часть его отведена под приготовление пищи и снабжена электрической плитой с объёмной вытяжкой, другая – под обеденную зону.

– Доброе утро, – произносит Адриан, с любопытством проезжаясь взглядом от моего лба до голых ступней.

Черт.

Вроде закуталась, а чувствую себя обнаженной. И почему поленилась откопать в чемодане носки?

Задрав подбородок, молча прохожу к холодильнику.

– Я что? Наказан? – спрашивает он, пряча улыбку за кружкой.

По-хозяйски исследую продуктовые запасы. Вчера мне фактически сообщили, что я пленница в этом доме, поэтому робеть я не собираюсь.

Подхватив ветчину в нарезке и листья салата, грациозно усаживаюсь за стол.

– Для человека, мечтающего о работе, ты слишком долго спала, – продолжает он со мной разговаривать.

Кидаю на него равнодушный взгляд.

Сооружаю из тостов, стоящих в центре стола, и своих находок бутерброд и смачно откусываю половину.

Боже. Как вкусно. Мычу от удовольствия.

Леди так не делают, но и джентльменов здесь не наблюдается.

Я могла бы тысячу раз ответить Адриану то же самое, что и сказала вчера вечером. Правда... это больше было похоже на истерику, а не на разговор.

Моя работа – это часть меня. Как рука и нога. Абсолютно равноценная. А он, поступив так со мной, обесценивает мои достижения.

Оскорбляет меня.

Но с учетом того, что вчера мои слова вызвали у Макриса лишь снисходительную улыбку, повторять я их не собираюсь.

Пережевывая, озираюсь в поисках кофемашины. Подскакиваю с места, нахожу красивую синенькую кружку в шкафу над мойкой и жду, пока кофе будет готов.

Укравкой наблюдаю за Адрианом, сидящим ко мне спиной. На нём только черные спортивные брюки и больше ничего!

Твою мать!

Кажется, что его манящие плечи, заняли весь мой эфир. Так бывает. Вроде и студия большая. Реквизита много, свет. Речь в кадре вполне понятна, диалог интересен, а взгляд то и дело ложится на что-то конкретное.

Например, на татуировку на правой лопатке. И похожую... за ухом.

– На этот уик-энд поедем на дачу к Умарову. В гости, – сообщает Адриан, дождавшись, пока я снова усядусь напротив него.

– Зачем? – нахмуриваюсь.

Он улыбается своей маленькой победе. Удалось всё-таки выбить из меня хоть слово.

– Надо налаживать связи. Умаров – старик консервативных взглядов. На жизнь, на семью. На ведение дел.

– Зачем тебе с ним общаться? Разве вопрос с покупкой артели не решён?

– Договорённость есть. Но враг не дремлет, – зелень в глазах-омутах становится чудовищно опасной.

– Прохоров? – предполагаю.

Адриан вдруг улыбается:

– Ешь давай. Бунтарка.

Фыркаю, отпивая свой кофе и снова принимаюсь за бутерброд.

Вчера вечером я и слышать ничего не хотела.

Выватила свой чемодан и сразу поднялась в отведённую для меня комнату. Так была зла на грека, что думала, убью к чёртовой матери.

Сейчас же взгляд постоянно падает на эстетически приятную грудь и твердый пресс, покрытые мягкими волосками и явно добытые с большим трудом в спортзале.

Он и два года назад был таким. Подтянутый, загорелый. Его тело чисто по-женски хотелось облизать, а чуть позже обнять, чтобы уснуть.

Мотаю головой.

– Раз уж мы живем вместе, – произношу строгим тоном. – Давай установим некие правила.

– Опять?

– Там были условия, – подмечаю.

– И они выполняются.

– Надеюсь, так будет и дальше.

Адриан потирает щетину на подбородке и становится серьёзным. Склонив голову, изучает мое решительное лицо.

Слушает внимательно то, что я говорю:

– Мы с тобой на одной территории. Попрошу тебя одеваться, когда тыходишь из своей комнаты.

– Я настаивать на том же самом не буду, – отвечает грек, снижая взгляд к закутанной в хлопок груди. – Хотя... – смотрит так, что вмиг становится жарко. – Обыскивать тебя стало моей главной сексуальной фантазией.

– Попридержи её вместе с обнажённым торсом. Взаперти. В своей комнате, пожалуйста, – заявляю скупающе. – Дальше – если я не буду ездить на работу, значит, сотрудники телецентра будут приезжать ко мне. Сегодня во второй половине дня меня навестит Шурик. Нам нужно заняться монтажом вчерашнего сюжета. Я не привыкла бросать на полдороге.

– Хорошо. Пусть твой Шурик приезжает. Но работать вы будете в кабинете, а не в спальне, – говорит он, решительно отодвигая кружку.

А потом снова долго смотрит и спрашивает:

– Ты никогда не хотела просто отдохнуть? Уйти в отпуск? Слава сказал, у тебя столько дней накопилось, что ты можешь три месяца в телецентре не появляться.

Закатываю глаза раздражённо.

– Кому я буду нужна через три месяца?

– Я думал, публика тебя любит.

– Время на телеканале бежит, как один год за пять. За девяносто дней ветер сменится и родится новая звезда. Свято место пусто не бывает. Слышал такое?

– Нет.

– Поверь, мне быстро найдут замену, – озвучиваю свой главный страх.

Наверняка в моих глазах сквозит отчаяние, потому что Адриан вдруг становится задумчивым.

– Не понимаю твоих переживаний. В Греции каждая девочка всю юность готовится к тому, что станет женой. Ты красива, Вера, – делает многозначительную паузу, и я невольно улыбаюсь его умению воспроизводить неожиданные комплименты. – Уверен, что ты могла бы найти занятия поинтереснее плясок на холоде с микрофоном.

– Уж не варить ли борщи? – усмехаюсь.

Вместо ответа Адриан поднимается со стула и относит тарелку с кружкой в мойку. Сканирую взглядом узкую поясницу. Горячий кофе, по всей видимости, проваливается сразу в низ живота, потому что там отчаянно теплеет.

– Моя мама ни дня в своей жизни не работала, – оперевшись на край стола, произносит Адриан. – И счастлива.

– Ты сам такой умный? Или она тебе лично сказала?

– Это так и есть.

Проталкиваю пальцы в только что высушенные феном волосы и взбиваю их у корней.

– Женщина должна заниматься своей самореализацией, Адриан. Хотя бы для того, чтобы быть независимой. В противном случае, придется все время выпрашивать деньги... даже на шампунь.

– Хм... – он непонимающе обводит взглядом мои волосы. – Тебе нужен шампунь?

– Да нет, – смеюсь тихо. – Ты меня не понимаешь.

Вздыхаю.

Адриан подступает ближе и приглаживает прядь волос, которую я только что так активно взбивала. Склоняется, затягиваясь воздухом. Смещает ладонь мне на спину и проезжается вдоль позвоночника.

Резко отстраняется.

– Я уехал до вечера. Приготовь борщ и будь хорошей девочкой.

Ошарашенно разворачиваюсь, успевая заметить лишь удаляющийся с кухни затылок. Пытаюсь понять, что произошло.

Он снова лапал меня, а я молчала, как будто язык отрезали.

Бесит.

Кровь вскипает, лицо горит пламенем. Бесит, что его прикосновения, даже абсолютно лишённые сексуального подтекста, вызывают в моей душе такую разрушительную бурю.

Пожар.

Не испытывать к Адриану Макрису ровным счетом ни-че-го – это то, что я старательно, каллиграфическим почерком выводила бы в письмах Деду Морозу и Санта-Клаусу, вместе взятым.

Конечно, если б была настолько глупой, чтобы верить в эту новогоднюю чехарду...

*

С наступающим Вас Новым годом, дороги читатели!

*Пусть в ваших дома всегда будут царить Счастья и Любовь!
Ваша Лина.*

Глава 12

Вера

– Что опять с настроением? – спрашивает Адриан, нехотя отрывая взгляд от дороги.

– Прости, улыбаться через силу буду только при зрителях, – отвечаю сквозь зубы.

Уровень моей злости скоро достигнет апогея и тогда... я перестану быть примерной содержанкой. Вылью своё негодование прямиком в его самодовольное лицо.

Клянусь, так и случится.

С силой сдавливаю ремень кожаной сумки.

Адриан на полном серьёзе не выпускает меня из своего дома.

Вообще!

Ни в магазин, ни в квартиру. Даже слышать об этом не хочет.

Макрис просто псих... в стадии обострения. Он должен подружиться с моим Олегом, потому что только психиатр в силах ему помочь.

– Веди себя, естественно. Не нервничай, – приказывает Адриан. – И не груби мне при посторонних, Вера.

Фыркаю, закатывая глаза. Будет трудно, конечно.

Изображать из себя влюблённую в него дурочку? Вот чего мне не хватало для полного счастья. После отпуска, конечно...

– Я серьёзно, – продолжает Адриан нотацию. – Камиль Рустамович – мужчина, придерживающийся восточных традиций. Он просто не поверит, что я могу жить с женщиной, которая выливает на меня борщ за невинную шутку.

– Невинную шутку? – округляю глаза, тяжело дыша. – Ты сказа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.